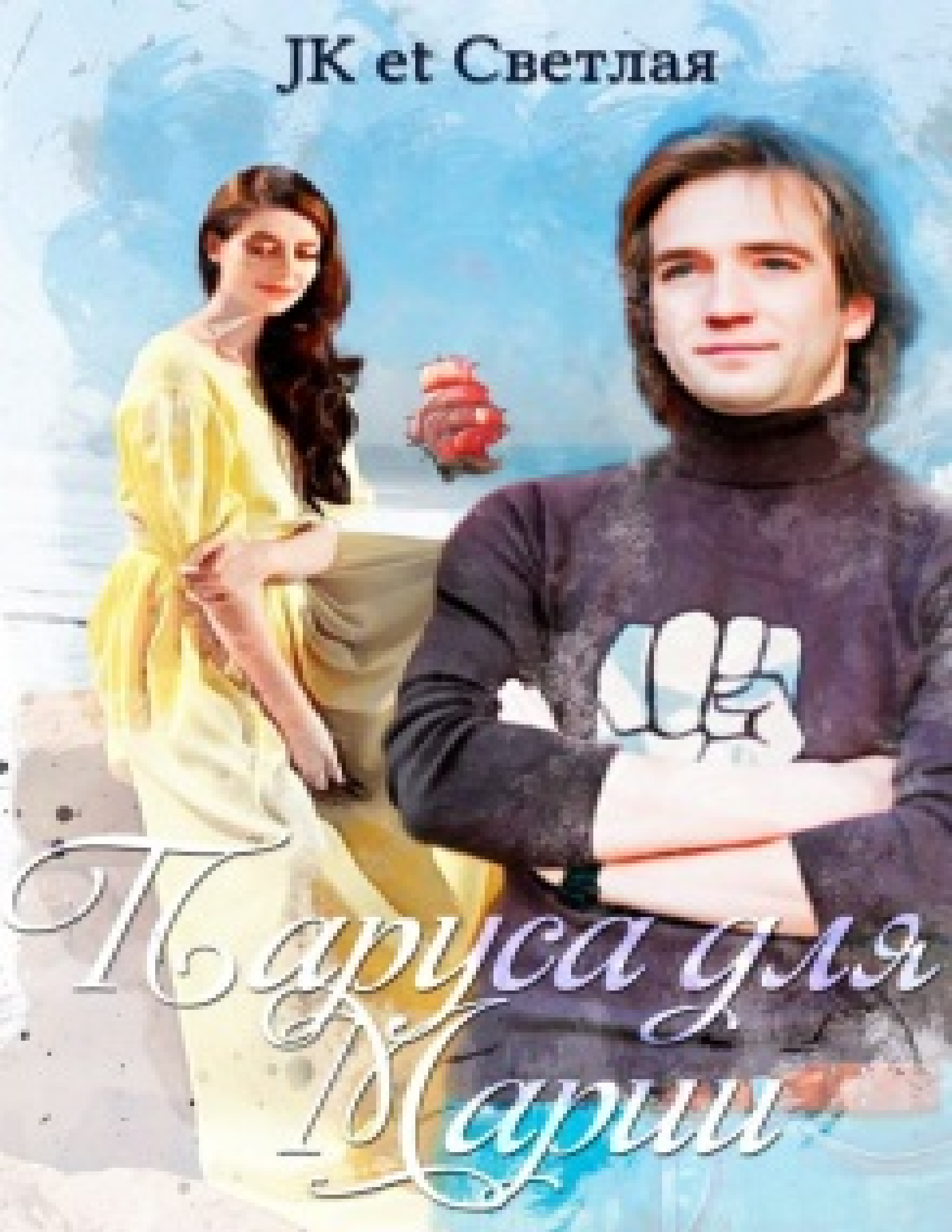

JK et Светлая

Творчество
для
души

Любовь — понятие, изучаемое тысячелетиями, но малоизученное и на сегодняшний день. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы осознать готовность всю жизнь провести с одним человеком. Но нужны годы, чтобы научиться этому человеку верить.

Их десятидневное знакомство — случайность. Но бывает, что десять дней важнее и значимее всей прочей жизни.

Михаилу и Марии еще только предстоит понять эту истину.

А пока... в порту Гамбурга на лайнерное судно села пассажирка в свадебном платье.

Июнь 2015 года

Мари

Мари нетерпеливо посмотрела на часы. Лететь оставалось не больше пятнадцати минут. В Петербурге ее должен встретить представитель DartGlobal и препроводить в гостиницу. А завтра будет сумасшедший день. И, если вдуматься, то именно от этого дня зависит вся ее дальнейшая жизнь. Это все было подобно испытанию на прочность характера. Выдержит — не выдержит. Иногда она не выдерживала — срывалась. После смерти отца. Пока тот был рядом, считала, что многое может пережить. Теперь переживать стало труднее. Потому что она просто не знала, как поступить. И спросить было не у кого.

«Это не женское дело. Ты девчонка еще! Тебя съедят и не подавятся, Мари! И будут правы!» — возмущенно воскликнул Ральф, провожая ее в Россию.

«И ты бы съел?» — сдержанно улыбаясь, спросила Мари.

«И я», — мрачно отвечал он. Мари смеялась и целовала его сурово сжатые губы, прекрасно понимая, что он говорит правду.

Между ними было так принято много лет. Молчаливая договоренность не лгать ни при каких обстоятельствах. Их отношения были ровными и спокойными. Он по-прежнему предлагал ей свою помощь в бизнесе. Она по-прежнему намеревалась спасти DartGlobal самостоятельно. Он давно считал, что поможет только слияние компаний, она усердно сидела ночами в головном офисе, полагая, что вытащит все на своих плечах. Он с завидной регулярностью звал ее замуж. А она соглашалась только на регулярный секс. Пожалуй, и все. Другая связь между ними ее не интересовала. Но на обложках журналов светской хроники вместе они смотрелись... эффектно.

— Госпожа д'Эстен, добро пожаловать в Россию! Машина ждет у входа в аэропорт, — проговорил молодой человек, встречавший ее в Пулково, на ходу подхватывая багаж. Легкий акцент в почти идеальной немецкой речи заставил ее чуть улыбнуться. Она всегда улыбалась, если была растеряна. Не плакать же, ей-богу, оттого, что этот акцент напомнил ей о том, что было много лет назад. Было и не сбылось.

Михаил

В конторе БалтТраста было катастрофически тихо. Собственно, какая-то катастрофа действительно надвигалась на компанию уже не первый месяц. Когда на прошлой неделе Зимин вернулся из очередного рейса, его пытались ввести в курс происходящего. Он не вникал. Его мало интересовало, как будет называться фирма, в которой он работает.

В ожидании начальника коммерческой службы, который вызвал его, чтобы обсудить рейсовый отчет, на глаза Михаилу попался свежий номер «Морской биржи». Он медленно пролистывал страницу за страницей. На одной из фотографий увидел лицо, которое преследовало его последние пять лет. «Мария д'Эстен и Ральф Ригер на церемонии передачи заказчику... построенного по дизайну...» Смотрелись они рядом... эффектно. Зимин спокойно закрыл журнал. Поднялся, прошелся по приемной, остановился у окна.

Пять лет назад, вернувшись из того пресловутого круиза в Испанию, на следующий же день Михаил написал заявление об уходе. Ни один крьюинг не смог предложить ему аналогичной вакансии, пришлось одолеть профпереподготовку и аттестацию. Два года он ходил старпомом на танкере. И вот теперь третий год он ходит капитаном на ролкере.

Когда пару лет назад Зимин оказался в Гамбурге, где они стояли несколько дней, он не удержался. Найти офис DartGlobal не составило труда. Огромное современное здание судовладельческой компании из стекла и металла прекрасно было видно из небольшого бирхауса через дорогу. На исходе третьего часа ожидания к главному входу подъехал черный «Мерседес» представительского класса. Из машины вышел мужчина лет тридцати с небольшим и протянул руку кому-то еще.

И Михаил увидел Марию. Свою Марию. Чужую Марию. В строгом деловом костюме, с завязанными в тугий узел волосами, она казалась старше своих лет. Изменившаяся и все такая же. Она улыбнулась своему спутнику и, взяв его под руку, вошла в здание...

Сегодня на фотографии он снова увидел ее рядом все с тем же мужчиной. Похоже, что жизнь ее отличается постоянством и успешностью. Значит, все тогда было правильно.

Глава 1.1 Сбежавшая невеста

«Алые...»

Глава 1.2 Каперна

— Здравствуйте, Маша!

Мари вздрогнула от голоса, раздавшегося так близко, и едва не разлила кофе на белоснежную блузку. Подняла глаза и увидела перед собой старшего помощника капитана.

Ма-ша. Когда-то очень давно так ее называла бабушка. Для отца она была Мария. Для друзей — Мари. Ма-ша.

— Здравствуйте, господин Зимин, — ответила она, улыбнувшись в ответ и понимая, что улыбка получилась вымученной. Боевой настрой и полторы тонны адреналина, выброшенного в кровь накануне, давно развеялись. Буквально за ночь. Весь день она скрывалась в своей каюте, не желая никого видеть. Звонил отец. Звонил Ральф. Она хотела выбросить телефон за борт. Ральфа игнорировала. Отцу написала смс, что с ней все в порядке. В подробности не вдавалась.

В остальном... можно было сойти с ума.

Ее побег по зрелом размышлении и саму обескуражил. За эти сутки она словно бы увидела себя со стороны. И увиденное ей не понравилось.

Этот безумный рывок из-под венца, когда она едва дышать успевала, казался ей кошмаром, отрывком дурного сна. Ральф стоял у алтаря и улыбался, а вспышка фотокамеры заставила ее резко развернуться на сто восемьдесят градусов и броситься прочь. Героиня фильма «Сбежавшая невеста», не иначе!

Потом все делала механически. Запрыгнула в машину, на которой приехала в церковь, подмигнула старому шоферу, который знал ее с самого детства. Он прищелкнул языком и надавил на газ. Позвонила гувернантке, чтобы попросить привезти в порт документы. И всю дорогу, ни о чем не думая, смотрела в окно.

Позже, возле порта, фройляйн Зутер сунула ей в руки сумочку с документами.

В последний раз оглянувшись на некрасивое, но доброе лицо почтенной дамы, Мари сквозь слезы крикнула:

— Спасибо!

А потом побежала через толпу людей в порту. Те изумленно оглядывались на девушку в свадебном платье и без багажа. А она могла думать только о том, что если ей очень повезет, то отец не станет преследовать ее на лайнере. Только бы Ральф не бросился следом — с него станется.

И лишь на причале сообразила, что плыть ей придется в номере для молодоженов, бронированном для нее вездесущим отцом. Но решительно помчалась к трапу, прижимая к груди сумочку. За спиной ее развевалась фата, белоснежный шлейф волочился по асфальту.

Действительно, похоже было на сон и только на сон. Наверное, потому сутки собрать себя не могла и выбралась из каюты только вечером следующего дня. Невозможно сидеть в четырех стенах бесконечно. Но видеть по-прежнему никого не хотелось. Просто... просто нужно было, в конце концов, хоть воздухом подышать, надеясь остаться в иллюзии одиночества.

Иллюзия развеялась с появлением старшего помощника Зимина. Он стоял возле ее столика, странно улыбался и — еще более странно — казался ей самым настоящим, что она видела за последние сутки. Все прочее было бредом.

— А я здесь... ужинаю, — проговорила Мари и растерянно посмотрела на

единственную чашку кофе — есть не хотелось совершенно. Да и кофе на ночь... Фройляйн Зутер прочитала бы длинную лекцию относительно вредного действия кофеина на организм — на сон грядущий.

— Можно к вам присоединиться? Поужинаем вместе. Вы ведь еще не уходите? — спросил Зимин.

У старпома был сумасшедший день. Но проблемы на работе были для Михаила привычны и даже не слишком выводили из себя, если вечер можно было провести в тишине и одиночестве. В этот вечер он решил поужинать в одной из кофеен, которых лайнер вмещал несколько. «Каперна» была самой маленькой. В ней расположили всего четыре столика на двоих. И здесь никогда не собирались шумные большие компании. Именно то, что нужно.

Едва Зимин вошел в кафе, как увидел единственную посетительницу — владелицу белой нелепой змеи. И вот теперь, напросившись к госпоже д'Эстен в компанию, он понял, что, если она сейчас уйдет, сегодняшний день можно будет считать самым отвратительным за долгие годы. И тогда все, что останется, идти к капитану Долгову и ворчать дуэтом.

— Присаживайтесь, — улыбнулась Мари, показав глазами на стул напротив, — по моему, для моего сегодняшнего настроения это идеальное место. Каперна... Почему Каперна? Какое-то волшебное слово.

К ним подбежала официантка в милом строгом платье с белым воротничком, явно повторяющем стиль начала двадцатого века. Оставила меню. И так же быстро удалилась.

— Не скажу вам наверняка, откуда это название. Но могу предположить, что кто-то очень любит Грина. Это русский писатель, — сказал он, глядя прямо в глаза девушки.

«А видок у меня, вероятно, сейчас очень глупый», — подумал Зимин, взял меню и углубился в его изучение.

— И чем мы с вами будем ужинать? — попытался он пошутить.

Мари открыла, было, рот, чтобы сказать, что не голодна, но вдруг поняла, что хочет есть. Очень. Ужасно сильно!

— Чем угодно! — выпалила она. — Лишь бы сладкое. Раз уж я и так нарушила все правила, то после шести — самое время для сладкого.

Михаил весело закрыл меню и подозвал официантку.

— Значит, начнем с рыбы, картофельного салата и вина. Рислинг. А завершим сладким с горячим шоколадом. Он здесь очень вкусный, — сказал он, уже глядя на Мари.

Понятливая барышня снова удалилась.

А пассажирка внимательно разглядывала его лицо. После чего очень серьезно спросила:

— А Каперна — это из какой книги?

— Каперна? Это городок в «Алых парусах». И, кажется, еще в каких-то рассказах. Не помню, давно читал, — Зимин нахмурился, подумав, что это было не просто давно, а очень давно. И было ему примерно столько же, сколько сидящей сейчас напротив него девушке. «Ну, и куда тебя несет, Зимин?»

Но остановиться не получилось.

— Вам, наверное, понравится Грин.

— Грин?

— Да, Александр Грин.

Снова появилась официантка, принесла заказ, и это дало возможность заняться едой, которую хотелось послать к черту, когда хочется просто разглядывать ее и слушать, как она говорит. Неважно о чем. Только бы говорила. Но говорит она так мало.

— Что вам нравится больше всего? — спросил Михаил, желая слышать ее голос.

Мари пристально смотрела на свечу, которую зажгли на их столике, когда стемнело. Огонек чуть подрагивал, пританцовывал на легком сквозняке. От вина появилась какая-то легкость. Почти невесомость. И ей самой отчего-то хотелось теперь танцевать. Но в маленькой Каперне, где играла тихонько инструментальная музыка, и где почти никого не было, совсем мало места.

— Больше всего — море, — просто ответила она. Нет, была тысяча вещей, которые она любила тоже — отца, книги, Париж, фройляйн Зутер. Но сегодня — море. И свечи. — А вам? Что нравится вам?

Она любит море. Как хорошо, что она любит море.

— Море — это моя жизнь. Я тоже люблю его и не представляю, что мог бы жить как-то иначе. Но сейчас мне нравится быть здесь рядом с вами. В этом пустом кафе. За этим столом.

Он отодвинул пустую чашку и положил руку рядом с ее рукой, почти касаясь пальцев.

Так просто. И одновременно отчаянно страшно — прикоснуться. Мари чувствовала, что ее собственные руки сейчас холодные, как лед. Несмотря на вино, несмотря на чашку горячего шоколада. Просто потому, что его ладонь была так близко, а она не решалась ни убрать свою, ни придвинуть.

— Мне тоже нравится, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. Потому что ей только девятнадцать лет. Потому что они знакомы второй день. И потому, что еще вчера она собиралась замуж.

А впрочем, последнее, похоже, было ни при чем.

Возле нее сидел совершенно незнакомый мужчина — старше, опытнее. Он был привлекателен. Иначе, чем мужчины, которые ей нравились. Темно-русые волосы с длинной челкой, откинутой назад. Лоб открыт. Глаза карие, глубокие, с танцующими в них отблесками свечи. И удивительно светлые при том, что здесь было не очень светло. Улыбка, игравшая на его губах, ей нравилась тоже. Было в ней нечто почти знакомое, уютное... умиротворяющее. И вместе с тем он взволновал ее — намеренно или был сам взволнован? И Мари совершенно точно знала, что утром она проснется с единственной мыслью — что это было? И он проснется так же — то, что у нее большие проблемы, он не мог не заметить. Зачем связываться?

И все-таки выпалила:

— Идемте на палубу. Там, должно быть, слышно музыку. А здесь совершенно негде танцевать.

Сама взяла его за руку, лежавшую так близко. И только потом сообразила, как беззастенчиво пригласила его на танец, правда, краснеть было поздно.

«Ты рехнулся? Она ребенок совсем!» — мысленно в который раз возопил Зимин, почувствовав, как ее холодные пальцы прикоснулись к его руке. И тут же бережно сжал их, желая согреть.

Танцевать на палубе — этому сложно было сопротивляться. Ведь это единственная возможность притянуть ее к себе как можно ближе. Держать в своих руках. Прижаться, будто случайно, щекой к ее волосам. Но позволить себе этого он не мог. Даже если это всего лишь танец. Она не в себе. Еще вчера она была сбжавшей невестой. Сегодня подвернулся он. Завтра она вспомнит своего жениха. И пожалеет обо всем. Может, даже сойдет в ближайшем порту и вернется домой. И правильно сделает.

«Черт!» — выругался Михаил, следуя за Мари.

Они вышли на палубу. Музыка, действительно, была слышна, призывая наплевать на доводы разума. Но Михаил, по-прежнему не выпуская ее руку из своей, спокойно сказал:

— Давайте отложим танцы, и я провожу вас до каюты.

У нее внутри все сжалось. Ну вот... все и правильно. Все так, как должно быть. Мари подняла на него глаза, мимолетно подумав, какой он высокий, и какой удивительно золотистый у него взгляд. Это освещение, или он, в самом деле, такой?

— Давайте отложим, — тихо проговорила она, не отрывая глаз от его лица. Она не выносила двусмысленности. — И провожать меня, наверное, не нужно. Потому что возле каюты я обязательно сочту необходимым пригласить вас на чай. А вы этого не хотите.

«А я этого не хочу». Он усмехнулся, глядя на нее сверху вниз. Женская логика. Самое непонятное и самое потрясающее качество.

— А до каюты я вас все-таки провожу, Маша, — Зимин медленно повел Марию по палубе. — И пока мы с вами до нее дойдем, вы поймете, что нет никакой необходимости приглашать меня на чай. Вы и так скрасили мой вечер. Правда. Я буду вспоминать нашу встречу.

Он будет вспоминать. Она будет вспоминать.

Мари лежала в постели, не выключая ночника и глядя в потолок, на котором причудливой тенью играли подвески — ветер из приоткрытого окна шевелил их, совсем как несколько мгновений назад он шевелил пламя свечи на маленьком столике в крошечной кофейне. Все тот же ветер, что касался их обоих на палубе — ее и его. Мари знала точно, что утром будет удивляться себе, но, пожалуй, единственное, о чем она сейчас жалела, так это о том, что он не поцеловал ее. И не жалела тоже — потому что не знала бы, как быть потом. После.

Если бы все было проще...

Но на тумбочке лежал отключенный телефон с десятком пропущенных от Ральфа.

А ей было все равно. Утром она пойдет в библиотеку. Читать Грина. Чтобы узнать, что такое Каперна.

Зимину тоже не спалось.

Со странным осознанием произошедшего Михаил подумал, что он ошибался. Для передышки он нуждался не в одиночестве, а в компании Маши. Пара часов рядом с ней, ее простые редкие слова и холод ее пальцев в его руке вдруг стали для него гораздо большим, чем любой полноценный отдых. Ему трудно было оставить ее у порога каюты, и это наполняло его странным новым чувством, которое он вряд ли когда испытывал раньше. Он был почему-то уверен, что сегодня вечером она позволит себя поцеловать, а завтра утром, в этом он тоже был уверен, пожалеет об этом. Поэтому он просто отпустил ее руку и пожелал спокойной ночи...

Зимин лежал на диване и невидящим взглядом смотрел на черный провал неба за окном, проглядывающий сквозь занавески, которые лениво шевелились под слабыми порывами ветра.

Он вспоминает. Вспомнит ли она?

Фредерик Дарт устало потирал виски и смотрел прямо перед собой. Он ненавидел, когда жизнь идет не по плану. Если такое случалось, это выбивало его из колеи. И теперь был именно тот случай.

— Колесо закрутилось, Фредерик, — услышал он голос Ральфа откуда-то со стороны, — сама DartGlobal не выплывет, а я по-прежнему предлагаю вам свою помощь

— И я даже знаю, на каких условиях.

Ральф отмахнулся.

— Слияние — не худший сценарий, и вы это понимаете. Этого хотел и мой отец.

— Давайте начистоту, — Фредерик повернул лицо к Ральфу, — вы хотите получить мою дочь и мою компанию. Амбиции у вас всегда были довольно серьезные. И эта черта мне даже нравится. То есть сделка заключается в том, что я отдаю вам Марию, мы запускаем процесс слияния, но во главе компании стоять будете, конечно, вы.

— Конечно. Это справедливо. Я мог предложить вам гораздо худший сценарий.

— Я знаю, Ральф.

— А что до Мари, то...

— Решать будет Мари! — устало заявил Фредерик.

— Что она может решать?

Действительно... Что она может решать?

Глава 1.3 Библиотека, Грин и языковой вопрос

Мари провела ладонью по корешкам книг, стоявших на стеллаже. В другой ее руке была чашка кофе — она готовилась! Но не учла главного — того, что ни на немецком, ни на французском книг нет. Тем более забавно, что владелец лайнера — чистокровный немец.

Грин. Г.

Она медленно прошла вдоль стеллажа в поисках нужной закорючки. Как выглядят буквы русского алфавита, она знала. Но читать не могла совершенно. Беспомощно вздохнула и пробормотала:

— Merde! — изящной французской словесности она была обучена с раннего детства. Благодаря своей аристократке-матери, чью фамилию гордо носили все представительницы их рода, за кого бы они ни выходили замуж.

Прошлый вечер вызывал больше вопросов, чем понимания случившегося. Ночь — была нереальной. Почти волшебной. Лунный свет пробивался в окно, рисуя странные образы. А она будто так и осталась на пороге своей каюты, глядя, как уходит Михаил.

«Когда же я усну?» — думала она. Закрыла глаза. А когда открыла — во всю светило солнце.

И первое, что она сделала после завтрака — отправилась искать ту книгу, о которой говорил ей старший помощник капитана накануне.

Мари вздохнула. Делать нечего! Придется прибегнуть к помощи лучшего друга девушки в любой самой безвыходной ситуации. www.suchnase.de — уж этот точно знает все. Она подошла к компьютеру, работавшему в зале библиотеки лайнера. Поставила рядом чашку. И принялась за дело.

Алые паруса. Александр Грин. Краткое содержание. Про принца и бедную девушку? Мари мысленно ужаснулась. Господи! Ну, был в ее жизни принц. Она за него чуть замуж не вышла. Ничего хорошего из этого не получилось. Не потому что принц был плох — потому, что она его не любила. Впрочем, хорошие сказки всегда отличает то, что герои влюблены, живут долго и счастливо и умирают в один день.

И это ей посоветовал взрослый мужчина, которому она едва не вешалась на шею на второй день знакомства после ее собственного дефиле в свадебном платье по лайнеру! Сказку почитать? Какой же душой она ему кажется!

Мари углубилась в чтение и вскоре перевела дух. Библиотека наполнилась волшебством, хотя в сказке не было ровно ничего волшебного. И даже принц оказался не принцем. Он был капитаном. Почти, как... Что чувствовала бы она сама, увидев блеснувший на горизонте пламенем алый парус? Да и нужен ли он был, этот парус, усложняя жизнь той, которая его ждала? И все-таки это глупость — влюбляться в мечту.

Между тем, мечта замерла у большого французского окна в библиотеку.

«Если я стану видеть ее каждый день до окончания круиза, это превратится в хорошую привычку, от которой будет сложно избавиться», — подумал Зимин и улыбнулся своим мыслям.

В это самое мгновение, когда он улыбался, она увидела его.

Мари бросилась к двери. Открыла ее, оказалась возле Михаила. И вдруг поняла, что совершенно не знает, что ему сказать. Смирившись с тем, что он и так бог весть какого мнения о ней после вчерашнего вечера, она только пролепетала:

— Доброе утро.

И в довершение всего совершенно нелепо покраснела.

— Доброе! — ответил Михаил.

Утро, в самом деле, стало бесконечно добрым, когда Маша вышла к нему на палубу.

— С утра пораньше в библиотеке? И что же вы предпочитаете на завтрак, Маша? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. Большие, ласковые, самые красивые.

— Угадайте, — с облегчением рассмеялась Мари — кем бы он ее ни считал, виду не подаст — слишком хорошо воспитан, — я думаю, очень просто догадаться. Это точно не пирожные и не картофельный салат с рыбой. В библиотеке такого не подают. Здесь более изысканная кухня.

Сегодня она непривычно много болтала. Он сделал вид, что задумался, и почесал висок.

— Гм... ну, чашку кофе я видел. К такому напитку подойдет что-нибудь романтическое.

А еще и утром, посреди моря...

Он готов был говорить любую ерунду, только бы она побыла рядом. Хотя бы недолго. Впрочем... Он взял ее руку, положил себе на сгиб локтя и повел в сторону от окон библиотеки, к борту корабля.

— Значит ли это, что вы всегда выбираете изысканность?

— Если она достаточно проста. Я всегда полагала изысканным то, что достаточно просто, — Мари с ужасом поняла, что кокетничает. Но ее рука так уютно устроилась на его локте, что последние остатки разума вылетели напрочь — вот так и должно быть. Спокойно, хорошо, тепло. И самое ужасное и одновременно восхитительное — в это самое мгновение она поняла, что влюбилась. Как, оказывается, мало надо, чтобы влюбиться. Пусть не вовремя. Пусть и в человека, о котором ровно ничего не знаешь. Что толку в том, что с Ральфом она была знакома всю жизнь, если с ним ей было холодно.

Мари резко обернулась к Михаилу.

— Скажите, вам хочется знать, почему я очутилась в свадебном платье на этом лайнере? Это имеет какое-то значение?

— Нет, это не имеет абсолютно никакого значения.

Она была очаровательна в попытке быть раскованной. Но в резкости ее движений он видел непонимание ребенка, оказавшегося не ко времени во взрослом мире. И все в ней его восхищало.

Михаил склонился к ней и сказал негромко, почти чувствуя губами ее ухо:

— Но если ты сама захочешь мне рассказать... что угодно... Я выслушаю.

Мари порывисто повернула голову — так, что их губы оказались в головокружительной близости. Совсем чуть-чуть, и они коснутся друг друга. Не этого ли она хотела еще накануне вечером?

Отпрянула, испугавшись того, с какой силой влекло ее к этому взрослому мужчине. Но что он — что он хотел, разговаривая с ней так, что по коже пробегает мороз? Неужели не чувствует, что с ней делает его голос. Она уже мысленно призналась ему в любви!

— Хорошо, что не имеет, — проговорила она, прекрасно расслышав испуг в собственном голосе, — глупая вышла история.

Да уж, куда глупее... Твою мать, Зимин! Ты точно рехнулся!

Михаил услышал ее испуг, увидел, даже почувствовал, как она отпрянула от него.

Молодец! Сам же все и испортил. Рука напряглась.

— Маш, вы простите, — он снова перешел на «вы», которое позволяло держать строгую

дистанцию. — Мне нужно идти. Я был рад вас видеть. Надеюсь, ваш день будет приятным.

— До свидания, господин Зимин, — сказала «Маша» и отстранилась.

Это было невыносимо! Он еще и извиняется! В совершенном расстройстве чувств она направилась в свою каюту, из которой решила не выходить до ближайшего порта. Там она сойдет на берег и вернется домой. К папе.

А он провожал уходящую прочь фигурку в немом оцепенении. Она уходит. Возможно, уходит навсегда. Мог ли он что-то изменить? Наверное, но должен ее отпустить. Она молода, красива, неопытна. Что там еще их разделяет, согласно нормам морали и права?

Он плохо соображал. Не спал вторые сутки, но разве это может быть оправданием, если она уходит?

Зимин резко развернулся и пошел в другую сторону. Он не мог больше видеть ее ускользающий силуэт. Он, вероятно, случайный человек для нее. А она...

Михаил внезапно понял, кем она стала для него. Какое имеет значение, что они знакомы всего несколько дней. И пусть он ничего не знает о ней. Разве существует знание, которое сможет что-то изменить, если тебе с человеком тепло? Все, оказывается, до смешного просто. Он случайный. Пока. Но в его силах это исправить. Надо начать сначала. Кое-что о ней он все-таки знает.

Михаил улыбнулся и отправился в кондитерскую. Купил коробку шоколадных эклеров и попросил доставить в каюту Марии д'Эстен. К сладостям приложил записку: «**20. Juni 20-00 "Карерна"»**

— Ни с кем не разговаривает, никуда не выходит. Лайнер не покидает даже на время экскурсий.

— Это точно?

— Пару раз сталкивалась со старшим помощником капитана. Но это выглядело случайностью.

— Дональд, пробей мне личное дело этого старшего помощника. Как его зовут?

— Уже пробил, — Дональд засмеялся, — Михаил Зимин, 33 года, холост. Он ходит капитаном на «Клелии», в этом рейсе тоже случайно — его собственное судно стоит в ремонте. Более подробно — здесь.

Дональд оставил на столе папку. Ральф встал из-за стола и прошелся по кабинету. Подошел к окну. Сунул руки в карманы.

— Никуда не ходит, говоришь? Ей плохо?

— В библиотеку ходила.

Ральф обернулся. На его губах застыла улыбка

— Куда?

Глава 1.4 Краткая форма имени

В голове раздражающе, почти мучительно пульсировало: «Зачем я все это делаю? Зачем. Зачем. Зачем».

Но она продолжала стоять у зеркала в своей каюте, нанося последние штрихи. Волосы уложила простым узлом на затылке — эта прическа делала ее лицо утонченным, открывая синие глаза с поволокой. Фройляйн Зутер всегда говорила, что так она похожа на мать. Светлое платье. Туфли в тон. Взгляд на часы. Пора. Но, Господи, зачем?

Они не виделись с Михаилом несколько дней. С той самой странной встречи возле библиотеки, когда она чуть не сообщила ему, что влюбилась. Это все из-за прошедшего вечера в «Каперне» — так она твердила себе позднее. Но были пирожные в ее комнате. Шоколадные эклеры, которые она обожала. И была записка. Которую госпожа д'Эстен спрятала под подушку.

Весь день 20 июня она провела в кинотеатре — обнаружила там зал для показа ретроспектив. День Одри Хепберн. И Мари не собиралась никуда идти, пока не досмотрит последний фильм — в 22:00! А потом в каюту и спать.

«— У вас часто бывает такое ощущение, будто крысы на душе скребут?

— Вы хотели сказать, кошки?

— Да нет. «Кошки» — это когда ты потолстела на пять килограммов, или за окном идет проливной дождь. А крысы — это гораздо хуже.»

Мари посмотрела на часы. 18:30. Резко встала и, не досмотрев «Завтрак...», отправилась к себе. Потому что у нее оставалось совсем немного времени, а столько всего нужно успеть!

И вот она, стуча каблуками, шла по палубе. К уже знакомой кофейне. И не представляла, что будет дальше. Просто потому, что когда речь заходила о Михаиле Зимине, ей отказывал здравый смысл.

Старпом пил кофе, внимательно следя сквозь большие окна за редкими людьми на палубе, надеясь разглядеть среди них ее, идущую к нему. Он сделал все, чтобы оказаться абсолютно свободным в этот вечер. Отключил телефон. И в полвосьмого был уже в «Каперне».

Он не знал, придет ли Мария, но очень надеялся, что придет. В одном Михаил был уверен — она не сошла с лайнера в Амстердаме. Об этом он специально узнал у администраторов. И теперь, сидя в кофейне, где и сегодня, к счастью, никого не было, он ждал единственную девушку, которая была ему нужна.

Увидев Машу в простом светлом платье, с простой прической, входящую в дверь кафе, он с восхищением оглядел ее и поднялся навстречу.

— Я очень рад, что ты пришла, — Зимин взял ее за руку, провел к столику и помог сесть. Не отпуская ее руку, сел рядом. — Ты сегодня особенно красива.

Слегка сжал ее пальцы и внимательно посмотрел ей в лицо.

Мари взволнованно опустила глаза, а потом снова обратила взгляд к Михаилу. И осторожно вытаскивала свои пальцы из его ладони. Чувствуя при этом, как отчаянно бьется сердце. Резко стало холодно. Поежилась. Это все нервы. Последние дни она просто сходила с ума. Начиная с побега от алтаря и заканчивая приходом сегодня в «Каперну».

— Господин Зимин, — медленно проговорила она, надеясь, что ее голос звучит

спокойно, — я согласилась прийти только затем, чтобы объясниться с вами... Дело в том, что все мое поведение — с нашей первой встречи — выходило за рамки допустимого, что мне решительно не свойственно. И я... я отдаю себе отчет в том, что у вас могло сложиться обо мне превратное мнение. Я... я... я бы не хотела, чтобы это было так.

В конце фразы голос прозвучал ужасно глухо. Но ничего. Он взрослый мужчина. Слишком взрослый. Он должен ее понять. Наверное. И вместе с тем Мари отчаянно хотела, чтобы он не понял. Или понял все по-своему. Лишь бы ее рука вернулась в его руку.

Зимин же с интересом выслушал ее колючую, строгую, взрослую речь. И коротко рассмеялся.

— Ужасно интересно. Все эти дни я тоже хотел с тобой объясниться. Видишь ли, должен тебе сказать, я крайне рад, что ты оказалась на нашем лайнере, и мы с тобой встретились. Сегодняшний вечер я объявляю нашим первым свиданием, — он приблизил свое лицо почти вплотную к ее, так что смог разглядеть бескрайнюю синеву ее глаз. — А сейчас быстро отвечай, будешь кофе с тортом или уходим гулять по лайнеру? — заговорщицки проговорил он.

— И ты... вы... — Мари несколько раз глупо моргнула и вдруг рассмеялась. Его лицо было так близко, что она не могла сохранять прежнее «прилежное» выражение. Все мысли упорхнули куда-то далеко. И теперь она вздохнула почти с облегчением — он не воспринял всерьез всю ее глупую тираду. — Нет... кофе с тортом... это скучно. Идем лучше гулять. Честно говоря, я лайнер почти не успела посмотреть. Ты давно плаваешь на этой махине?

Зимин встал, снова взял ее за руку, словно она и не отнимала ее, и вывел на палубу. И они не торопясь пошли в сторону носовой части лайнера.

— На этой махине, — он весело хмыкнул, — я впервые. У меня есть своя собственная, где я сам себе царь и бог в маленькой Вселенной. Только моя «Клелия» теперь на ремонте застряла. На берегу я сидеть не привык. Вот и согласился на этот рейс. Кстати, все лайнеры нашей компании носят женские имена. У нас и «Мария» есть.

Мари опустила глаза. Но тут же вновь подняла их, чтобы взглянуть на него.

— Мне бы хотелось увидеть... «Клелию». И вас... тебя — капитаном.

Шум моря, раздававшийся будто бы отовсюду, кружил голову, и Мария никак не могла понять, почему рядом с Михаилом она теряла чувство реальности.

— Я убежала с собственной свадьбы... Мне нужно было надеть это чертово платье со шлейфом, чтобы понять, что я совершаю самую большую ошибку в своей жизни. И знаешь что? Кажется, я была права. Мне хватило недели, чтобы в этом убедиться.

Если бы она не убежала со своей свадьбы, он бы никогда не встретил ее. Одна лишь мысль о возможности подобного покоробила Зимина.

— Ты совсем не жалеешь, что сейчас здесь, а не где-нибудь в романтическом путешествии с мужем, — спросил он глухо. — Маш, ты уверена в этом?

Михаил привел Марию на небольшую палубу, на которой никогда не бывало пассажиров. Никто из них не мог понять, как на нее попасть. Он остановился у ограждения. Здесь было тихо, сюда не доносилось никаких посторонних звуков цивилизации. Только слабый плеск волн и громкий стук его собственного сердца.

Зимин повернулся к девушке:

— Замерзла?

Мари сжала пальцами бортик и посмотрела на Михаила.

— Свадебное путешествие должно было быть не где-нибудь, а на этом лайнере. Ужасно,

да? Я бы, наверное, даже не познакомилась с тобой. Нет, я не жалею. И да, я замерзла. Немного.

Михаил снял пиджак и, подойдя к ней ближе сзади, набросил его ей на плечи. Проведя ладонями по ткани, под которой он чувствовал напряженные руки Марии, сплел свои пальцы с ее и двойным кольцом крепко обнял хрупкое тело. Пытаясь унять свое прерывистое дыхание, Зимин прижался горячими губами к тонкой коже на шее девушки и глубоко вдохнул ее запах. Заставив себя оторваться от нее, он прижался щекой к ее волосам и негромко сказал хриплым голосом:

— Ты большая умница, что сбежала со свадьбы. Надеюсь только, что это не войдет у тебя в привычку, — он усмехнулся.

— Подобные привычки аморальны, — проговорила Мария, сходя с ума от ощущения его прикосновений, от запаха парфюма, исходившего от его пиджака. От его теплых рук, обнимавших ее сейчас. Что-то глубоко внутри нее трепетало в ожидании большего.

Слишком быстро. Слишком внезапно. И совершенно правильно. Так, как должно быть.

И вдруг она увидела краем глаз поднимающиеся в небо огоньки — откуда-то с нижних палуб. Глубоко вздохнула. И подумала о том, что нужно загадать желание, пусть это и не звезды.

Потом обернула к нему лицо и поняла, что они близко. Так близко... что их губы вот-вот соприкоснутся. Она совсем не знала его. И она знала его лучше кого бы то ни было на земле. Кажется, ей была знакома каждая морщинка у его глаз — это от того, что он много смеется. Каждая интонация его голоса — если он обращался к ней. Каждый его жест — как сейчас, когда он так легко набросил на ее плечи пиджак. И Мари, сама того не ожидая, потянулась к его губам, привстав на носочки.

Зимин притянул ее к себе и сделал то, о чем мечтал с первой их встречи — нежно и неторопливо коснулся поцелуем ее губ. Поцелуй становился все настойчивее, и он обнимал ее все сильнее. Наконец, крепко прижав к себе, он приподнял ее над палубой.

Отстранился, заглянул ей в глаза, сказал на полувздохе:

— Ты — самое лучшее, что есть в моей жизни. Когда закончится этот рейс, я женюсь на тебе.

И снова вернулся к ее губам.

— У твоего имени есть краткая форма? — задыхаясь, спросила Мари, когда им не хватило дыхания, и они на мгновение отстранились друг от друга — и ее губы уже тосковали по его.

— Вариантов много, самое популярное, пожалуй, Миша, — Зимин снова легонько коснулся ее губ и поставил Машу на «землю», — как ты смотришь на то, чтобы все-таки чего-нибудь поесть, а?

Он весело подмигнул ей.

Ми-ша. Ма-ша. Мари улыбнулась. Потерлась кончиком носа о его щеку. По правде сказать, она действительно страшно проголодалась.

— Ты, кажется, что-то говорил про кофе с тортом? — Мари чуть отстранилась и очень важно сказала: — Кстати, спасибо за эклеры. Но, кажется, сейчас я предпочту что-то посерьезнее. Ми-ша.

— Что это значит? — Ральф удивленно посмотрел на Дональда.

— Это значит, что DartGlobal получили кредит в Bayerische Hypo. И если они сумеют им

правильно распорядиться, то компания останется на плаву.

— Какого дьявола? — процедил сквозь зубы Ральф. — Они были обречены.

— Фредерик Дарт — это имя, которое что-нибудь да значит, и мы оба это понимаем, Ральф. А в *Financial Times Deutschland* по твоему же настоянию реального положения вещей не опубликовали.

— Да как они могли это опубликовать, когда мы готовились к слиянию! Вот же сукин сын! — Ральф чувствовал, как к горлу подступает смех. — Как он это делает? Ладно. Хорошо. Допустим. Что Мария?

— Все то же. Не покидает лайнер. В кино ходила.

— На что?

— Ретроспектива какая-то...

Глава 1.5 И это тоже навечно

Зимин сидел над очередным журналом, заполняя очередные графы. Обычно он относился к этой стороне своей работы спокойно, но сегодня все безликие слова и унылые цифры навевали откровенную скуку. Несмотря на недавно окончившуюся вахту, он совершенно не чувствовал усталости. Спать не хотелось. Хотелось... увидеть Машу. А еще лучше сойти на берег. Вместе. Дувр — симпатичный городок, есть, где погулять. Только бы она не уехала на экскурсию.

«Сейчас поскорее допишу эту бюрократию...»

Додумать мысль он не успел. Дверь отворилась, и на пороге возникла Мария. Михаил расплылся в довольной улыбке.

— Привет! А я к тебе собирался, как только закончу, — поднялся она навстречу девушке, — у тебя какие планы на сегодня?

Она вошла в рубку и осмотрелась.

— И ты всем этим управляешь? — кажется, она совершенно искренно восхитилась. А потом тряхнула головой и подошла поближе. Мари все еще немного его стеснялась. Впрочем, почему «все еще»? Они и знакомы-то чуть больше недели. И за это время успели решить пожениться. Почему-то она тогда поверила его словам на палубе. Не сказать, что отнеслась серьезно. Но все-таки совершенно точно знала — после рейса у них все-все будет.

— Собственно, у меня есть небольшое дело в порту, а потом... — обошла вокруг стола и замерла с мыслью о том, что вот сейчас бы сесть к нему на колени, — а потом мне бы хотелось... наше второе свидание...

Когда Зимин решил для себя, что после рейса женится на ней, все встало на свои места. Это решение определило простоту их дальнейших отношений, словно между ними все давно и окончательно решено.

Он притянул ее к себе и легонько поцеловал в щеку.

— Мне нравится твоё желание, — он усмехнулся. — Вот только еще кое-что заполню, это не займет много времени. И я весь твой.

Михаил усадил Мари на стул рядом с собой, минут за десять дописал все бумаги. Мог и быстрее, но присутствие девушки определенно отвлекало его. Вызвал третьего помощника на мостик и глянул на Машу.

— Идем!

На берегу госпожа д'Эстен обнаружила, что после недельного затворничества на судне ее изрядно качает. Земля определенно уходила из-под ног, и от этого ей сделалось так весело, как никогда в жизни. Или, может быть, это оттого, что ее ладонь так уютно устроилась в его?

Почтовая служба располагалась прямо возле здания порта.

— Она уже должна была прибыть! — объявила Мари, улыбаясь, и потащила Михаила за собой. А когда получила заветную посылку, ее пальцы немедленно расправились с пакетом, в который посылка была запакована. Это были «Алые паруса» в немецком переводе. Мари весело подмигнула Михаилу и сказала:

— Я все-таки ее нашла, представляешь?

Свиданий, которые начинались бы на почте, у него еще не было.

— Мне казалось, что сейчас уже никто не читает бумажных книг. Значит, «Алые

паруса»? — он улыбнулся, любуясь счастливым Машиным лицом. — Ну что, Ассоль, что дальше делать будем? Замок смотреть или к морю? Ты бывала раньше в Дувре? Здесь очень красивые скалы. И здесь...

Зазвонил телефон, Зимин поморщился и неохотно полез в карман за трубкой.

Мари смотрела на то, как он возится, и улыбалась. Разве объяснишь... разве можно объяснить, что книги — именно бумажные книги — составляют весомую часть ее жизни. В библиотеке особняка во Франции у матери была огромная семейная коллекция из нескольких тысяч экземпляров. И в семье было принято пополнять эту коллекцию. Почему-то Мари думала о том, что эта книга в коллекцию не пойдет. Ее она оставит у себя.

— Кто звонил? — спросила Мари, когда Миша закончил разговор, из которого она не поняла ни слова.

— Бестолочи! — буркнул Михаил по-русски. Отключить телефон никак нельзя, остается надеяться, что звонить будут редко. Лучше, чтобы это был единственный звонок, пока он в городе. Зимин убрал трубку и снова взял Машу за руку, переплетя ее пальцы со своими. — Старший механик звонил, у него всегда появляются ко мне вопросы, когда я занят. А я очень занят, — весело сказал он. — Так, я понял. Выбор оказался трудным. Тогда сначала пойдем на берег. Посмотрим, вдруг на горизонте появятся алые паруса. Нам туда, — он подмигнул Марии и уверенно повел ее к пляжу.

В одном из маленьких кафе Зимин купил овсяных лепешек и чай со сливками, и они расположились на ступеньках, ведущих с набережной на пляж. Отдыхающих почти не было, в небе, смеясь, кружили чайки.

Михаил смотрел на Марию, на ее безмятежное лицо, и ему казалось, что она появилась из какой-то сказки. Она напоминала ему эльфа. Рядом с ней его охватывало мальчишеское, давно забытое чувство безграничной свободы.

— А я вчера поняла, что никакие алые паруса мне не нужны — я свои нашла, — с улыбкой проговорила Мари, — и капитан у меня есть свой, самый настоящий.

— Раз паруса тебе не нужны, интересно, что тебе нужно. Расскажи мне о себе.

Зимин допил чай, лег вдоль ступеньки и положил голову Маше на колени. Она перебирала пальцами его волосы и чуть улыбалась — одними уголками губ. Как это, оказывается, чудесно — вот так просто сидеть и смотреть на море, слушая его голос. Будто бы не было ничего в ее прошлой жизни. И один только этот час стоит всей будущей.

— А что рассказывать? — спросила она тихонько. — Папа немец, мама француженка. Жила всю жизнь на две страны. Училась, там, где родители велели... Потом папе пришла в голову гениальная идея выдать меня замуж за своего партнера. Согласилась. И удрала. Потому что я сама никогда не знала, что мне нужно. А теперь, кажется, знаю.

— Только кажется? — он притянул ее к себе и заглянул в ее синие, как небо, глаза.

— Мне свойственно сомневаться, и тебе придется привыкнуть к этой черте. Только сейчас я не сомневаюсь совсем. Настолько не сомневаюсь, что даже страшно.

Воображение распалилось не на шутку. Ее глаза, ее туго заплетенная коса, спустившаяся с плеча, ее губы. Михаил коротко поцеловал Мари и поднялся. Протянул руку девушке.

— Не бойся. Все будет хорошо. Я тебе обещаю. А сейчас пойдем в замок. Посмотришь, что такое «страшно». Там до сих пор призраки живут. И не только в подземных тоннелях.

Зимин отстранился, и она словно бы потеряла нечто очень важное. Легко вздохнула и, оперевшись на его руку, поднялась.

— Замок так замок. Как видишь, я могу быть еще и покладистой.

Дорогой они говорили о чем-то очень значимом и одновременно несущественном. Кажется, такие разговоры забываются сразу по завершении. Потому что важнее таких разговоров — интонации голоса, выражения лиц, блеск глаз. И еще ощущение того, как соприкасаются ладони, какое тепло исходит от кожи. И каждый жест неповторимо врезается в память сильнее любых слов.

Едва впереди показалась возвышенность, которую венчал замок, Мари тихонько охнула и проговорила:

— Знаешь, а я верю, что там действительно живут призраки!

— Еще как живут!

Дорога к замку была недолгой. Почти сразу же отстав от экскурсии, Зимин увел Мари в сторону. Они только вдвоем бродили по дворцу, башням, попали на маяк, смотрели какие-то интерактивные представления и даже умудрились напугать парочку призраков в очередном подземном ходу.

Потом поднялись на одну из смотровых площадок, с которой открывался потрясающий вид на порт, город, скалы, море. Порт и город казались почти игрушечными, но море и скалы представляли во всем своем величии вечности.

Михаил резко обнял девушку и крепко поцеловал в губы, чувствуя их соленый морской привкус. И это тоже было навечно.

Отпустил ее на мгновение и прошептал, касаясь губами ее кожи:

— Откуда ты только взялась, Машка моя?

И снова прильнул к ее губам поцелуем.

— Из Гамбурга, — задыхаясь, шепнула Мари, когда он чуть отстранился. — Всю жизнь там прожила и не знала, что есть ты. Я тебя люблю, Миша.

Ее последние слова ошеломили его. И внезапно он понял, что сам не только не признался ей в своих чувствах, но и не спросил, а хочет ли она за него замуж. Он все решил сам и за нее. Станным образом в голову закралось сомнение. Все ее поступки могли быть от разочарования, которое она испытала, от отчаяния, которое могло толкнуть ее в случайные объятия.

«Ты идиот, Зимин!» — подумал Михаил, отбрасывая глупую мысль.

— Машааа... — протянул Михаил, словно пробуя ее имя на вкус, так же как только что снова и снова пробовал ее губы. — Смелая моя. Я...

В кармане снова зазвонил телефон. Зимин чертыхнулся, выслушал и взглянул на Мари.

— Надо возвращаться.

Мари кивнула.

Обратная дорога заняла отчаянно мало времени, а ей хотелось продлить каждое мгновение возле него. И почему-то казалось, что чем скорее Михаил уйдет, тем быстрее оборвется какая-то важная ниточка между ними. Тряхнула головой, отгоняя грустные мысли — это только потому, что скоро он отправится на капитанский мостик, а ей придется ждать. Быть женой моряка — значит, ждать. И почему-то эта мысль не пугала ее. Ради таких дней ждать стоило.

— Ты будешь вечером занят? — спросила она, стоя на пороге своей каюты, куда он ее проводил. — Может быть, сходим в «Каперну», если найдешь минутку? Я собираюсь там ужинать. На нашем месте.

— Я очень постараюсь прийти к тебе, — Михаил поцеловал Машу на прощанье.

Оставить ее стоило ему немалых усилий.

Он шел на мостик и улыбался. В рубке его поджидал Долгов.

— Что у нас плохого?

— То есть вариантов, что что-то хорошее мы уже даже не рассматриваем? — мрачно спросил кэп, глядя в окно. — Ок. А-тлична живем, Зимин. Где вас всех носит вообще? Кому ни звоню, все на берегу, черт подери!

Долгов перевел мрачный взгляд на старпома.

— Звонили из Гамбурга. У господина Дарта, любезного генерального директора и держателя основного пакета акций нашей судоходной компании, пропала дочка. Сбежала со свадьбы. Мария д'Эстен. 19 лет. Должна была плыть с супругом здесь в каюте для молодоженов, но администрация уверяет, что этот номер пустует. А в порту Гамбурга видели, как она садилась на судно. Что, вообще, происходит, можешь ты мне объяснить? Могла она где-то сойти так, чтобы об этом не знали?

Зимин попытался осознать полученную информацию. Дочь владельца, 19 лет.

— Как ты сказал, зовут дочь хозяина? — он все еще надеялся, что ему послышалось.

Долгов посмотрел на ошарашенного Зимина и ответил медленнее:

— Ма-рия д'Эс-тен. Да. У нее фамилия не папкина. Я не имею ни малейшего понятия с ее родословной, да мне это и не интересно. Нам нужно выяснить ее местоположение. Еще одна головная боль, б***ь!

— Твою ж мать, — Зимин стукнул кулаком по столу и вскочил. Достал телефон, почти сделал вызов, но передумал и спрятал трубку обратно в карман. — Можешь передать господину Дарту, что его дочь в полном порядке. Она на лайнере. Все потом, Долгов, — бросил он и спешно вышел за дверь.

«Ну и какого черта все это означает?» — рассерженно думал Михаил, направляясь в свою каюту.

Глава 1.6 Шторм

В этот день ей все удавалось. Бывают такие дни, когда все идет так, как надо. Вернувшись с прогулки, Мари села читать и не заметила, как уснула. И это было к лучшему, потому что иначе вечером была бы сонная. А так можно будет говорить долго-долго... Пока Миша не скажет, что пора спать и не проводит ее до каюты. Она совсем забыла спросить, остается ли он сегодня на ночную вахту. Если нет, то может быть... Надевая тонкий пиджак, Мари покраснела от странной, промелькнувшей в голове мысли. В которой, в сущности, не было ровно ничего странного.

В «Каперне» еще не горели свечи, и Мари на смеси ломаного русского и безупречного французского с использованием языка жестов североамериканских индейцев попросила официантку, чтобы их зажгли. К счастью, та оказалась сообразительной.

Заказала чашку чаю, не рискнув делать настоящий заказ до прихода Миши. Устроила на столике телефон — вдруг позвонит и скажет, что все отменяется. И стала ждать. Когда-нибудь это войдет в привычку. И это будет замечательная привычка!

Она не замечала, что Михаил смотрел на нее сквозь стекло окна. Мария сидела за столиком такая милая, мечтательно-задумчивая. Она улыбалась. И он чувствовал себя первобытным варваром. Но выяснить нужно все. И лучше сделать это, не откладывая.

Зимин зашел в кафе, подошел к ней и сел напротив.

— Почему ты не сказала, чья ты дочь? — спросил негромко, но твердо.

Мари вздрогнула. Подняла на него недоуменный взгляд и несколько мгновений молчала, пытаясь сообразить, о чем речь. Потом поняла. Подалась вперед, но тут же заставила себя сидеть на месте. Неужели он только узнал, Господи? Она ведь уже неделю здесь, с ним...

— Я не знаю... — проговорила она, чувствуя, как по спине пробежал холодок от его тона.

— Твой отец разыскивает тебя. Ты что, даже не сообщила родителям, где ты? — он продолжал пристально смотреть ей в глаза. — Ты действительно не понимаешь, что тебе стоило сказать, кто ты такая на самом деле, — сказал он громче, не обращая внимания на бармена.

— Если бы я сказала... — голос чуть дрожал, но она заставила себя продолжать, — если бы я сказала, это что-то изменило бы? Между нами что-то изменилось бы?

— Нет, не изменило бы, если бы с самого начала я знал правду. Но, по-видимому, это что-то меняло для тебя, раз ты решила это скрыть.

Он смотрел на нее и разрывался между чувствами и здравым смыслом. Что это? Игра? Развлечение? Розыгрыш? Или ее возраст гарантирует неспособность на такой далеко просчитанный план?

— Я не скрывала! — вскрикнула Мари и в ужасе подумала о том, сколько раз у нее была возможность сказать ему правду. И сколько раз она этого не сделала. Даже сегодня, когда он прямо попросил рассказать ему о себе. Но ей казалось, что он спрашивал о чем-то большем, куда никакие имена и регалии не впишутся. Дура! Идиотка!

Мари заставила себя говорить спокойно, но получалось скверно:

— Сперва была путаница из-за фамилии, платья, номера... Но мне в голову не приходило, что папа не выяснил сразу, что я на «Анастасии». А потом... потом я просто...

не подумала...

Ее слова напомнили Михаилу, какой она была расстроенной и потерянной в Гамбурге в том чертовом платье. Тогда в этом был виноват кто-то другой. Теперь она была такой же растерянной, хотя еще несколько часов назад ее глаза искрились счастьем, и она призналась, что любит его. И в этом виноват только он.

— Не подумала... Твоему отцу сообщили, что ты здесь. И с тобой все в порядке, — он помолчал. — Машка, черт возьми, какая же ты дурочка, — пробурчал он по-русски. — Идем отсюда.

Зимин буквально выволок Марию на палубу.

— Куда ты меня тащишь? — пролепетала Мари уже на воздухе — воздух был прохладный, даже для этих берегов. Погода к вечеру явно испортилась. Мари постаралась заставить его остановиться, но это было трудно. То ли она сама не могла удержаться у какой-то черты, то ли ей было решительно все равно — лишь бы с ним. — Миша, пожалуйста...

«Зимин! Мозг включи!» — раздалось в ответ в его голове.

Он резко остановился и посмотрел ей в глаза. В синие растерянные глаза ребенка. Имеет ли он право воспользоваться ее доверием?

Михаил обхватил ее за плечи, провел рукой по волосам, притянул к себе. И, сорвавшись в пропасть, стал осыпать поцелуями ее виски, глаза, щеки, шею. Находил твердыми злыми губами тонкую, отчаянно пульсирующую жилку. Словно заряжался от нее и возвращался к пухлым, манящим губам Маши.

Видит бог, он не мог отпустить ее сегодня.

— Не здесь, не здесь, — зашептала она, безошибочно чувствуя, что вот теперь, в это самое мгновение определяется вся ее будущая жизнь — просто потому, что она должна быть с этим единственным мужчиной. Шептала и не хотела, чтобы он останавливался, откидывала назад голову, подставляя кожу на шее, чувствуя, как что-то в ней разгорается — мучительно и всепоглощающе. Обхватывала его руками, прижималась к нему так, будто от этого зависело все, что было в ней, все, что будет. Потому что всё — это был он один.

Михаил и сам понимал, что не здесь. На мгновение отстранился, всмотрелся Маше в глаза, еще раз, не удержавшись, поцеловал ее в губы и выдохнул у самого уха:

— Идем ко мне...

Ему казалось, что до каюты они идут несколько часов, так бесконечно тянулось время. Или это лайнер был таким огромным.

Наконец, он впустил Мари в свою каюту, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Притянул девушку к себе, теперь уже медленно, уверенно прикоснулся к ее губам, скользнул короткими поцелуями вдоль шеи к ключице, стягивая с ее плеча пиджак и ляжку топа. Он наслаждался ее прохладной кожей, от чего поцелуи все сильнее загорались страстью, способной оплавить все вокруг, все крепче и крепче сжимал ее в объятиях, путаясь в застежках, крючках, пуговицах. То ли ее, то ли своих. Она прижималась к нему так тесно, но и того было мало, он желал чувствовать ее ближе, ближе...

Зимин подхватил Мари на руки и отнес на кровать.

И больше не сдерживался, выплескивая все чувства, которые бесновались в нем вот уже несколько дней. Завладев, наконец, ею. Он опалил ее кожу сбивчивым дыханием, пытаясь удержаться на грани собственного сознания. Яркий свет прорезал темноту каюты, и, когда раздался первый раскат грома, он понял, что тонет, пропадает в разыгравшейся повсеместно

стихии. И только единственный маяк существует теперь в его жизни — глаза Маши. Разглядев их при свете новой вспышки молнии, он вынырнул, выплыл. И спасся, чтобы навсегда быть рядом с ней.

Он бережно обнял ее и хрипло сказал:

— Ты — моя жена. Помни об этом.

— Буду помнить, — шепнула она в ответ, пытаясь успокоить срывающееся дыхание, не в силах отвести от него глаз. И провела пальцем по его губам, горячим и твердым. — Буду помнить...

— Откуда эти фото? — Ральф сглотнул.

— Из Дувра, — Дональд пристально следил за выражением лица начальника и друга.

— То есть это был случайный романтический променад со случайным старшим помощником? Блеск! Когда она успевает? Неделю назад у алтаря стояла.

— Что ты будешь делать?

— Ну, любоваться этими фото я точно не стану. А вот применение... пожалуй, что найду. Мне нужно, чтобы их увидел Фредерик. Информация, разумеется, должна исходить не от меня.

— Обижает! — протянул Дональд. — Ясное дело. Все будет в лучшем виде.

Когда Дональд вышел за дверь, ему вслед полетел стакан с виски. Ударился о стену и обрушился осколками на пол, оставляя за собой влажные дорожки.

— Потаскушка!

Глава 1.7 Отмучились!

Усиливающийся шторм вынудил Зими́на оставить Машу. Как бы ему не хотелось никуда уходить, но обязан он быть на мостике. Перед уходом поцеловал девушку, пытаясь растянуть время, и спешно вышел из каюты.

День был трудным. Не обошлось без неожиданностей. Долгов умудрился совершить подвиг — спас девушку, выпавшую за борт. И искренно забавлялся, что это вовсе никакой не шторм, а так, легкое волнение в луже воды.

Впрочем, им определенно повезло. Буря бушевала недолго, и уже к вечеру гроза закончилась, дождь перестал, и море почти утихло, бросаясь в борт «Анастасии» последними всплесками своей ярости.

Когда Зимин вернулся к себе, Марии не было. Он достал телефон и набрал ее номер.

— Я у себя, — отозвалась она, — и я тебя жду.

Через полчаса, с коробкой пирожных в руках, он стучал в дверь ее каюты.

Мари открыла и поцеловала его в щеку — так буднично, будто делала это всю жизнь.

— Здравствуй! — весело сказала она, пропуская его в комнату. — Я взяла на себя смелость заказать ужин в ресторане. Так что есть будешь то, что мне нравится. Или то, что они поняли из моих потуг объяснить, что я пасту хочу. Обещаю, что после свадьбы научусь готовить. И все-таки выучу английский.

При мысли о свадьбе Мари покосилась на шкаф. Но тут же заставила себя перевести взгляд назад на Михаила. Нет, пышной свадьбы она не желала. Желала... сбежать куда-нибудь подальше и обвенчаться в маленькой церкви. В самом простом платье. Не свадебном. И, уж конечно, без шлейфа.

Улыбнувшись в ответ на заявление Маши, Михаил весело спросил:

— Уже строишь планы? Очень хорошо!

Зимин сел в кресло напротив нее.

— Иди ко мне! — протянул он к ней ладонь.

И она шагнула к нему, изловчившись сразу устроиться на его коленях, оплеть руками его шею и прижавшись щекой к щеке.

— Пришла, — шепнула она и засмеялась. — Ты сегодня останешься? Или служба?

— Останусь, — Михаил поцеловал ее. Долго, нежно. — Но в три заорет мой будильник. Вахта.

И он вопросительно посмотрел на Машу.

— Пусть хоть всю жизнь орет, — пробормотала Мари и потерлась носом об его нос, — я даже научусь вставать с тобой.

Засыпая, она думала о том, как удачно, что кроме старшего помощника капитана господина Зими́на, никто на лайнере не говорил по-немецки. А когда проснулась, Миша уже ушел.

«Какой все-таки тихий у тебя будильник», — подумала она, потягиваясь на постели.

Это было последнее утро, когда Мари была уверена, что обязательно еще его увидит.

Из-за разыгравшегося шторма в Гавр пришли с опозданием. Долгов все же умудрился героически простудить свою морскую душу во время спасения утопающих. И вместо того, чтобы после вахты идти к Мари, Зимин был вынужден тащиться в управление порта.

Естественно, там он потратил значительно больше времени, чем надеялся.

И естественно, торопился обратно, обнаружив, что такое качество, как терпение, ему совсем не свойственно, когда речь заходит о некоей госпоже д'Эстен.

Заскочив на мостик, Михаил неожиданно для себя увидел Долгова. Подозрительно довольного.

— О! А ты какого здесь? Тебе же, вроде, болеть приказано? — рассмеялся старпом.

Капитан усмехнулся — вид у него тот еще был. Никогда не купайтесь в шторм, господа!

— Да так, — загадочно улыбаясь, проговорил капитан, — кажется, женюсь. Какая простуда! Ты как?

Зимин удивленно замолчал. Долгов — женится! Это восьмое чудо света, не иначе.

Когда способность говорить вернулась, Михаил сказал:

— Да я тоже... женюсь. Без кажется.

Долгов присвистнул.

— Че? Охомутали, да? — засмеялся он. — Устроим двойную свадьбу. А я хотел тебя в свидетели позвать. Черт, Зима, ну ты-то догадывался стопудово! А твоя — кто?

— Что-то вроде того, охомутали, — расплылся в улыбке Михаил. — Вот перестанешь бациллы разбрасывать — я вас познакомлю.

— До чего ж ты мутный, Зимин! Темнишь, темнишь... Не бойсь, не отобью я твою Джульетту.

— У тебя и не получится отбить, — Зимин улыбался. Уж что-что, а в Маше он был уверен.

Долгов подошел к окну и посмотрел на берег. Туда, где в порту сновали люди.

— Кстати, помнишь нашу странную пассажирку? Ну, ту, дочку господина Дарта?

При этом ее упоминании Михаил вдруг напрягся.

— Помню... и что?

— Выдохнули, Зимин! — засмеялся Владимир. — Можно плыть спокойно! Сошла на берег. Разведка донесла, что совсем сошла, с вещами. И на ресепшене предупредила, что не вернется, и номер можно считать свободным. Все! Отмучились!

Выдохнуть не получалось. Что значит — сошла? Как это — не вернется?

Зимин взял со стола сигареты Долгова, медленно закурил. Он не понимал. Ничего не понимал. Ведь все было... хорошо?

— Да, отмучились, — наконец, смог сказать хоть что-то, — ладно, кэп, устал я после вахты. А ты иди, лечись. Поводов для здоровья у тебя теперь выше крыши.

Он потушил окурок и вышел из рубки. Едва закрылась дверь, выхватил телефон и набрал номер. Голосовая почта.

Какого черта!

Он звонил целый день. И следующий тоже. Можно узнать адрес, найти, объяснить. Но с каждым уходящим днем, слыша монотонное «вы можете оставить сообщение», Михаил понимал, что не сделает этого. Потому что это ничего не изменит. Она ушла сама, не предупредив, ничего не сказав, даже элементарно не попрощавшись. Превратив все в приятную случайность, которая, по здравом размышлении, и не могла иметь никакого продолжения. Он глупо поверил в свою же фантазию, а она лишь умело подыграла ему. Как же она, наверное, забавлялась!

Конец первой части.

Глава 2.1 Машинное масло и марокканская лепешка

Часть вторая

«Белые...»

Июнь 2015 года

Глава 1. Машинное масло и марокканская лепешка

11:00. БалтТраст

— Я думал, она старше. Сколько ей? — голос звучал удивленно и даже несколько недовольно.

— Я вас предупреждала, Николай Егорович. Двадцать четыре.

— Тьфу ты! Пигалица!

Мари улыбнулась. Разговор в коридоре ее забавлял. Они едва ли потрудились говорить тише. Переводчик усердно делал вид, что ничего не слышит. А Мари продолжала изучать бумаги. Впрочем, в том, что на бумаге все будет красиво, она и не сомневалась.

Вообще-то DartGlobal не занимались грузовыми перевозками. Это никогда не входило в сферу их интересов. Но, видимо, сферу пора было расширять.

«Научусь разбираться и в этом. Будто бы есть варианты», — думала Мари, просматривая следующий документ.

Вариантов не было.

Господин Шумов вошел в кабинет, надел очки и с вежливой улыбкой обратился к заморской гостье:

— Итак, госпожа д'Эстен, продолжим?

Уголок ее губ чуть дернулся — какая сногшибательная разница по сравнению с его тоном в коридоре в беседе с помощницей! Переводчик перевел, и Мари, наконец, ответила по-немецки:

— Я ознакомилась с вашим отчетом. Впечатляет, господин Шумов. Однако хотелось бы все же увидеть воочию состояние ваших судов.

— Да я и сам понимаю, что на бумажке что хочешь нарисовать можно, — с улыбкой ответил Шумов, — у нас в порту сейчас стоит ролкер «Mariner». Если хотите, можем сегодня же устроить экскурсию.

Ролкер. Судно для перевозки грузов на колесной основе. Классификацию грузовых судов Мари уже успела изучить. www.suchnase.de по-прежнему знает все.

Она согласно кивнула и ответила:

— Прямо сейчас? Мне не терпится, — два раза хлопнула ресницами для закрепления результата. Чем больше она будет смахивать на пигалицу, тем, пожалуй, лучше.

11:15 Ролкер «Mariner». Машинное отделение

Утром позвонили из управления и велели явиться на судно. Надо так надо. В сущности, Михаилу было все равно, где проводить этот день — на судне, на котором проводил девять месяцев в году, или дома, вернее, в квартире, которая давно перестала быть домом. Все чаще он ловил себя на том, что не чувствует никакой радости от возвращения в Петербург. Все чаще и чаще он чувствовал себя совершенно чужим в этом городе и даже с давно знакомыми людьми. А некоторых некогда близких друзей он не видел годами. Приходилось снова и снова приспособливаться к береговой жизни, и порой это ужасно раздражало. И если точно знал, что не понадобится в ближайшее время, мог на пару недель уйти в леса на Карельском

перешейке или уехать бродить по перевалам Адыгеи.

Сначала навел порядок в бумагах, до которых так и не дошли руки во время рейса. А потом его вызвал старший механик. Вот спускаться в машинное отделение совсем не хотелось. Но пришлось переодеваться и идти в святая святых, дабы лицезреть дорогого деда в обществе опреснителя, который начал создавать проблемы еще в море. Зимин в первый же день после возвращения в порт подал заявку на замену агрегата, но, судя по выражению лица работника техотдела, в ближайшее время новый опреснитель им не светит.

— Может, ждут нового хозяина... — почесал затылок стармех.

— Не надейся, Максимыч, что новый хозяин примчится и первым делом побежит тебе опреснитель покупать. Чини этот. Ну, что еще у тебя?

11:30 Ролкер «Mariner». Палуба

Мари поднималась по трапу, с любопытством осматриваясь по сторонам. На ролкере она была впервые. Посудина была, мягко говоря, внушительная.

— Сейчас вызовем капитана. Он нам все покажет. Я делец, как и вы. Но, полагаю, что вам интересны не только цифры, — говорил Шумов, набирая чей-то номер. Вероятно, что именно капитана.

— Вы впервые в России? — спросил у нее переводчик.

— Впервые, — ответила она с вежливой улыбкой.

11:35 Ролкер «Mariner».

— Так, Максимыч, я пошел. Шумов заявился, наверх зовет.

Глянул на свою спецовку. Да какого черта? Не светский раут.

Вышел на палубу, огляделся. Увидел Шумова, какого-то парня и...

«Тебе, Зимин, очки пора покупать. Или голову лечить», — сердито подумал он, разглядывая посетителей.

Но чем ближе он подходил к группе ожидавших его неожиданных гостей, тем больше убеждался, что и с глазами, и с головой у него все в порядке.

Третьей была Мария.

Ее лицо походило на застывшую маску. Глотнула подступивший к горлу ком. Чуть повела головой куда-то назад. Не может быть.

«Останусь. Но завтра в три заорет мой будильник. Вахта».

Сморгнула. В мир вернулись звуки.

— Добрый день, — поздоровался Зимин со всеми, не глядя ни на кого конкретно и вытирая руки промасленной тряпкой, которую сунул ему Максимыч.

— Госпожа д'Эстен, позвольте представить вам капитана судна, Михаила Зими́на.

Пока переводчик переводил ей сказанное и прекрасно понятное, Мари следила за тем, что его пальцы проделывали с тряпицей.

— Михаил Александрович, это госпожа д'Эстен. Наш потенциальный... кхе-кхе... покупатель.

Мари подняла глаза, чтобы встретиться с его взглядом. И протянула руку.

— Здравствуйте, господин Зимин, — проговорила она, удивившись — голос звучал ровно.

Капитан ролкера посмотрел на протянутую ему ладонь с чуть разведенными пальцами, потом перевел взгляд на лицо госпожи д'Эстен.

«Что, новый хозяин, надо?», — мелькнуло в голове.

Зимин усмехнулся и кивнул Марии.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски, — приятно познакомиться. Простите, — виновато развел руками, — не ожидал, что у нас будут дамы.

И взглянул на Шумова.

— Да уж какой есть, — пробурчал Шумов и широко улыбнулся. По-американски. С его постной рожей получалось неубедительно, — товарищ капитан, госпожа д'Эстен хотела бы посмотреть судно. Устройте нам экскурсию?

— Устроим... экскурсию. С чего госпожа д'Эстен хотела бы начать? — спросил Зимин у Николая Егоровича.

— В первую очередь, с грузовых палуб, — ответила Мари, опередив Шумова. И терпеливо дождалась переводчика, зная, что он и по-немецки все прекрасно понял.

— Ну что ж. Тогда нам туда, — указал Михаил, куда идти, и пропустил Марию вперед.

Мари прошла мимо него, стараясь не думать. Просто не думать.

«Останусь. Но завтра в три заорет мой будильник. Вахта».

Сердце взбесившейся птицей колотилось в груди, но лицо, она знала это, казалось безмятежным.

— Где твои вещи? Мы немедленно уезжаем!

— Мне нужно оставить кое-кому записку.

— Кое-кому ничего оставлять не нужно, Мария! Что замолчала?

— Я не поеду!

Он внимательно, медленно оглядывал ее всю. От макушки до кончиков каблучков. И обратно. Как когда-то давно на «Анастасии». Она в платье и тот дурацкий шлейф. И вспышками замелькали давно вычеркнутые из памяти дни. Быстро, наслаиваясь друг друга, боясь не успеть. «Стоп!» — приказал себе. Не думать, не вспоминать.

На ходу Мари вынула из сумочки телефон. Пропущенных не было. Обернулась, встретившись глазами с капитаном. Он споткнулся об ее взгляд. Когда-то ему казалось, что он умеет в этих глазах читать душу.

Черта с два! Усмехнувшись, Зимин глянул на телефон в ее руках. «Вы можете оставить сообщение». Было бы кому оставлять...

— Сколько на «Mariner» грузовых палуб? — стальным голосом спросила Мари.

— Четыре. Верхняя палуба приспособлена под контейнеры. В твиндеки грузим малогабаритные грузы.

— Хорошо, мне бы хотелось осмотреть все четыре. Если, конечно, вас не затруднит.

Мари почему-то очень надеялась, что все-таки затруднит. Она заставила себя перевести взгляд себе под ноги и прекратить на него таращиться. Господи, прошло пять лет! Пять! И он сделал вид, что не узнал ее.

— Совсем не затруднит, госпожа д'Эстен, — ответил Зимин и повел ее к лифтам.

Он никогда не позволял себе думать, какой может быть их встреча. Потому что не хотел с ней встречаться. Даже тогда в Гамбурге он хотел лишь ее увидеть. Больше ничего.

«Сколько еще она собирается разыгрывать эту комедию? — устало подумал он. — А ведь придется уволиться».

Осмотр палуб занял без малого два часа. Признаться, словарный запас Мари за это время успел изрядно пополниться. Она будто нарочно придумывала все новые и новые вопросы, убеждая себя в том, что это для работы. На самом деле, ей попросту нужно было слушать голос капитана. Господи, зачем только? Ведь она уже это пережила, все прошло, давно.

После осмотра третьей палубы, второго трюма, пятой аппарели и пятнадцатого пандуса Зимина начало все это забавлять и сердить одновременно. Он покорно показывал ей все, о чем она спрашивала и что желала увидеть, называл, объяснял и удивлялся, как ей до сих пор не надоело.

— Хорошо, господин капитан, — сказала она при осмотре очередного лифта, — с этим, я полагаю, можно завершить. Если это возможно, то меня интересуют жилые помещения и камбуз. Будет ли это удобно?

— Конечно, удобно, — вмешался Шумов, — раз уж вы собираетесь купить нас со всеми потрохами, то не помешает устроить ревизию этих самых потрохов. Михаил Александрович, будь любезен...

Зимин зло глянул на суетящегося Шумова.

— Буду любезен. Начнем с камбуза. Обед не предлагаю. Он не отличается изысканностью.

— Кстати об обеде! — воскликнул Шумов. — После осмотра ролкера предлагаю нам всем отправиться в «Портъ Артуръ». Пообедаем и обсудим предварительно... Как вы на это смотрите, госпожа д'Эстен?

— Исключительно положительно, — сдержанно ответила Мари. — Итак, господин Зимин, камбуз.

«Да какого ж черта! Когда это кончится!» — Михаил сдерживался из последних сил.

Пришлось вести их на камбуз, потом показывать каюты экипажа, по дороге показал места отдыха и прочую ерунду.

«Надо только будет серьезно подумать над будущей профессией. Что-то совершенно далекое от моря», — раздраженно думал он.

Резко остановился поперек палубы, по которой они шли к ходовому мостику.

— Госпожа д'Эстен, вы не устали? Может, достаточно на сегодня?

Мари поджала губы, переступила с ноги на ногу, поскольку ступни горели огнем — весь день на каблуках, и спокойно ответила:

— Нет, я не устала, спасибо за заботу. Но, я думаю, в самом деле, можно завершать. Я увидела то, что хотела. Благодарю вас за экскурсию и за терпение, — она обернулась к Шумову: — Признаться, теперь я вижу, что нам есть, что обсуждать.

Шумов понимающе кивнул и проговорил:

— В таком случае едемте! Зимин, собирайтесь, вы с нами.

Зимин поперхнулся вежливым «не сто́ит». Подошел к Шумову и, не особо выбирая выражений, поинтересовался, что, собственно говоря, он забыл в этом треклятом ресторане. На что получил не менее откровенный ответ со всеми подробностями своей великой миссии.

— Черт с вами. Если вам так надо — ждите.

Он развернулся и скорым шагом направился к себе. В ресторан в таком виде точно не заявишься. И все больше и больше думал о Маше. Маленькой змейкой она проникла в его мысли и больше не желала их покидать. И он не знал, что с этим делать.

Вода бежала из крана по ладоням. Холодная-холодная вода. Если включить горячую, то она сама закипит. Нет, лучше эта ледяная струя. Подняла глаза к зеркалу. Чужие какие-то глаза, почти незнакомые.

Когда она поняла, что он за ней не приедет? Кажется, примерно через месяц, после того, как отец забрал ее с лайнера. Мари отчетливо помнила этот момент. Она поливала цветы на балконе своей комнаты и вдруг подумала, что нет смысла ждать. Рейс завершен, и

если бы Миша хотел, он бы давно был в Гамбурге. Значит, не хотел. Осознание этого резко захватило ее всю. До такой степени захватило, что она не могла разобрать, есть ли хоть какая-то часть ее тела, которой не больно. Потом села в плетеное кресло, стоявшее там же. На балкончике. И не помнила, сколько просидела в нем. Позднее вошла фройляйн Зутер и укрыла ее, спящую, пледом.

— Я никуда не поеду!

— Еще как поедешь, моя дорогая. И ты прекрасно понимаешь, почему. Он знает, кто ты?

— Знает.

— И что он первое сделал, когда узнал? Не маленькая. Пора соображать.

Но самое страшное было в том, что даже после того дня на балконе она все еще продолжала ждать.

Мари закрыла кран. Высушила руки салфеткой, взяла сумочку и вышла из дамской комнаты, направившись в зал, где ее уже ждали Шумов, Зимин и переводчик. Смешно. До слез.

Зимин сидел за столом, внимательно изучая белоснежную тарелку без единого узора и медленно переворачивая нож. Он физически чувствовал каждое мгновение, которое она отсутствовала. Если бы не этот идиот Шумов, все бы закончилось еще в порту.

Отвлечшись от созерцания посуды, перехватил пробегающего мимо официанта.

— Коньяка принесите, будьте так добры. Дагестанского.

Ааа... к черту все! Все равно увольняться!

Он звонил. Каждый день. Каждый день говорил себе, что завтра уже не станет. И все равно звонил. Снова и снова. Однажды под рукой весьма кстати оказался коньяк. Достаточно для того, чтобы хватило смелости стереть номер из памяти телефона. Но недостаточно для того, чтобы забыть. А она приходила к нему во сне. Каждую ночь. И признавалась в любви. Снова и снова.

Официант принес графинчик. Михаил сам налил себе, не предложив ни Шумову, ни переводчику. Опрокинул рюмку, не почувствовав ни вкуса, ни крепости напитка.

Как у нее все легко. Захотела — сбегала со свадьбы, стало скучно — развлеклась, надоело — отправилась домой. Наследнице пароходов все можно. Вернувшись в Петербург, несмотря на принятое решение, порывался искать. Убеждал себя в необходимости полететь в Гамбург, и сам же разбивал в прах свою уверенность в правильности такого решения. А одной осенней ночью она больше не пришла к нему. Словно отпустила. Подарила покой. И он забыл. Больше никогда не вспоминал, кроме единственного раза в Гамбурге.

Мария приблизилась к столу. Вежливая, спокойная, красивая. Невероятно красивая. Зимин проводил ее пристальным взглядом. И налил себе еще коньяка.

— Прошу прощения, что заставила вас ждать, — проговорила госпожа д'Эстен, усаживаясь.

Ее взгляд скользнул мимо лиц присутствующих, она взяла в руки меню и принялась внимательно его изучать. Настолько внимательно, что это, конечно, бросалось в глаза. И при этом она не видела там ни слова — буквы прыгали вверх-вниз, вверх-вниз. Наконец, она отважилась выглянуть из-за меню, чтобы, избегая встречаться глазами с Зиминим, обратиться к Шумову, — может быть, вы что-нибудь порекомендуете? Не имею ни малейшего представления что заказать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Пока переводчик доносил ее вопрос до Шумова, Мари все-таки не удержалась. Скользнула взглядом по мужчине напротив — и угораздило же их сесть прямо лицом к лицу. Почему-то сразу увидела рюмку коньяка. Он еще и пьет на переговорах. Мари сжала губы.

— Ну, я-то буду солянку, ее здесь чудесно готовят, — пробурчал Шумов, — а ее чем кормить... Зимин! Что там немцы, кроме сосисок, едят, а?

— Души!

— Ты, Зимин, закусь бы хоть взял, а... Что это вообще с тобой сегодня?

— А что сегодня со мной? Я тебе, Николай Егорович, не дипломат, переговоры вести не обучен. Ты меня приволок сюда как справочник по мореходным качествам, ну так делай свои запросы — будешь получать ответы. А дальше сам заворачивай все в цветную фольгу. Лимон принесите, — буркнул он официанту, — на «закусь».

Перевел взгляд на Марию, засмотрелся на ее плотно сжатые губы. Таким абсолютным идиотом он не чувствовал себя никогда. Даже тогда, когда... отлучились.

— Вы знаете, а я, кажется, определилась, — проговорила она, едва заметно переводя дыхание — во всяком случае, теперь не похожа на идиотку, которая в свое время даже английского не знала. — Я буду крем-суп из сельдерея и марокканскую лепешку. И, пожалуй, сок. Яблочный.

Она определилась! Зимин отвернулся. Она давно определилась, еще пять лет назад.

Знал бы, чем обернется сегодняшней день, ответил бы, что далеко за городом, когда позвонили утром и вызвали в порт.

Пока ожидали заказ, Шумов спросил:

— Ну и как вам ролкер? Смею отметить, что этот красавец имеет лучшее у нас техническое оснащение, хотя и остальные суда очень хороши.

Мари закусила губу, терпеливо дожидаясь переводчика, а потом сказала:

— В технических вопросах меня интересует скорее мнение вашего капитана. Господин Зимин, — она сдержанно улыбнулась, — мне кажется, что никому лучше вас не известны недостатки «Mariner». Лично я невооруженным взглядом человека, не имеющего отношения к грузоперевозкам, видела, что нам все же потребуется модернизация.

Михаил выпил вторую рюмку, съел дольку лимона, который тоже оказался безвкусным. И посмотрел Марии прямо в глаза.

— Нам, безусловно, потребуется модернизация. Если вы настроены серьезно, госпожа д'Эстен, вы сможете многое улучшить.

Почему-то этот его взгляд заставил ее замереть на месте. Кажется, они впервые за весь этот сумасшедший день вот так открыто смотрели друг на друга.

Мари улыбнулась и ответила негромко:

— Я настроена очень серьезно, господин Зимин. Вряд ли вы себе представляете насколько.

— Не всегда серьезность наших намерений поддерживается окружающими, хотя они и выражают видимое согласие. Вот только, когда доходит до дела, те, кому ты доверял, предпочитают избегать лишних трудностей и находят для себя более легкие пути.

Закипающий в ней гнев она подавила усилием воли. Дождалась перевода. Чтобы ответить безмятежно:

— Что ж, модернизация тоже потребует дополнительных капиталовложений, господин Шумов. А потому нам придется еще вернуться к вопросу цены. И, если будет нужно, не раз. Прошу прощения, мне снова придется вас оставить. На минуточку.

Мари грациозно выпорхнула из-за стола и вернулась в дамскую комнату. Плевать, что подумают. Плевать! Открыла кран с ледяной водой и подставила ладони под струю.

— И что он первое сделал, когда узнал? Не маленькая. Пора соображать.

— Хорошо. Пусть сейчас будет по-твоему. Но учти, если по окончании рейса он за мной придет, я уеду с ним.

— Как тебе будет угодно. А теперь собирайся. Кстати, для полноты картины — давай сюда свой телефон.

— Папа!

Прижала ледяные мокрые пальцы к пылающим щекам. Господи... Неужели сначала этот кошмар... Только не заново...

«Дааа, Зимин, — думал Михаил, напряженно провожая ее взглядом, — ты и раньше-то не всегда умел разговаривать. Теперь, видимо, разучился совсем. В конце концов, она тебе ничем не обязана».

Потянулся к графину, но одернул руку. Резко повернулся к Шумову, почти открыл рот, чтобы сказать, что больше не намерен тратить на этот бессмысленный торг ни минуты своего отпуска, но передумал. Ясно осознав, что не уйдет, пока... пока она его не отпустит. Снова. Все сначала. Круг замкнулся.

Глава 2.2 «Клелия»

«Ты — самое лучшее, что есть в моей жизни. Когда закончится этот рейс, я женюсь на тебе».

Мари открыла глаза. Сон упорхнул в одно мгновение. Будто и не спала. Так когда она перестала ждать? Через год? Через два? Или ждет до сих пор?

Тогда, пять лет назад, она вытащила себя из такой кучи дерьма, что не верилось. Загрузилась учебой и работой настолько, что почти не успевала вздохнуть. Рядом были отец и Ральф. Ральф — особенно. Если бы не он...

Глухо зазвонил мобильный. Мари медленно встала и подошла к креслу, на котором валялась сумка. Вынула телефон. Поморщилась. Звонили из Кронштадта. Работа. Работа — это хорошо. Это панацея от воспоминаний.

Через час она уже была в порту. И мысленно усмехалась — панацея здесь не работала. От себя не убежишь.

Капитан «Клелии» нервно потирал виски, будто у него болела голова. А Мари д'Эстен отчаянно пыталась отбросить всякую мысль о том, что когда-то на этом судне ходил другой капитан.

— Как это случилось? — добивалась она, стоя в управлении портом.

— У нас две версии — либо нарушение техники безопасности, либо... Сами все понимаете...

— Вы же сегодня должны были выходить в рейс, — Мари прижала руку ко лбу. В нем словно бы гвоздем пытались пробить дырку.

Пожар.

Ночью на «Клелии» произошел пожар.

Повреждено машинное отделение. Серьезно повреждено.

А это означало, что они теряют весомую часть прибыли, на которую рассчитывали. Для «Клелии» сезон сорван. В лучшем случае отремонтируют до осени. Это катастрофа? Нет, просто она проиграла. Наверное...

Позднее, решив большую часть вопросов, Мари шла вдоль портовой набережной и судорожно набирала номер Ральфа, тщетно пытаясь справиться с чувством, будто рушится мир.

— Я уже знаю. Я вылечу ближайшим рейсом.

— Откуда ты знаешь?

— Дональд связывался с DartGlobal, там все на ушах. Я лечу, Мари.

— Я сама разберусь.

— Да ты уже разобралась.

— Это случайность. И ты это понимаешь. Мы получим страховку, и...

— Мари, не сходи с ума.

Замерла. Перед ней возвышался лайнер компании DartGlobal. «Анастасия».

«Кстати, все лайнеры нашей компании носят женские имена. У нас и «Мария» есть».

Сентиментальность отца не знала границ. «Анастасия» в честь бабушки. «Клелия» в честь матери. «Мария» — в честь нее...

— Не прилетай. Я сказала, что разберусь.

Нажала отбой. И так и осталась стоять, не в силах оторвать взгляда от белоснежного

корпуса огромного судна. Так, будто теперь по-настоящему встретила со своим прошлым.

Что-то случилось. Не могло не случиться. Он всегда чувствовал безошибочно, даже не нужно было видеть своими глазами.

В порту царила суэта, были включены все прожекторы, отчего стало светло, как днем, хотя утро было серым, пасмурным, безрадостным. Зимин спешно направился к причалам. Оглядевшись, увидел следы пожара на «Клелии». Еще один дом, бывший. Сколько их было, таких домов, если разобраться?

Приблизился. Пожар, похоже, был уже потушен, но дым еще стоял над палубами лайнера. И вдруг Михаил увидел знакомый силуэт, до него стали доноситься обрывки слов, разобрать которые он не мог.

Зимин подходил все ближе. Заметил, как внимательно она смотрит на борт соседнего лайнера. Поднял глаза и увидел «Анастасию». На миг показалось, что последних пяти лет не было.

— Привет, Маш, — сказал Михаил, оказавшись рядом с девушкой.

Мари резко дернулась. Боль стала почти физической. Все нахлынуло разом, и она не знала, совладеет ли с этой волной, которая сметала все барьеры, что она выстраивала долгие годы. Повернула голову. Он стоял совсем близко. Так близко, как если бы между ними не пролегло их прошлое — его обман, ее любовь... И его голос... Который совсем-совсем не изменился. Ма-ша.

— Привет, — сказала она сиплым голосом, — у тебя сигареты есть?

— Нет.

Зимин помолчал.

— Жалко «Клелию». Серьезные повреждения? — заглянул ей в глаза. Чужие, потерянные. — Почему ты здесь одна? Где твой отец? Где этот твой, Ральф?

— О... Так ты еще помнишь. И немецкий не забыл. А я-то думала, что у тебя провалы в памяти.

— Не я один страдаю такими провалами. Кто-то заболел ими гораздо раньше.

— Раньше... — механически повторила она. — Ладно. Раньше... Папа умер. Ральф в Гамбурге. Как ты живешь?

— Обыкновенно, как все. Я не знал про твоего отца. Сочувствую... Ты изменилась... — подошел чуть ближе.

— Все меняется, — пожала плечами, — это нормально.

Все, кроме этой боли, от которой никогда не избавиться. Мари почувствовала, как по щеке бежит слезинка, и не знала, что оплакивает. «Клелию» или себя?

— Помнишь, я когда-то сказала... — запнулась.

Михаил протянул к ней руку и стер бегущую по щеке слезу.

— Я все помню, что ты говорила.

— ... что я бы хотела увидеть «Клелию» и тебя капитаном. Жаль. Не сбылось, — Мари тряхнула головой.

— Не жалею. Небольшая потеря, — Зимин усмехнулся. — Мало ли, что не сбывается. У нас говорят: «Что ни происходит, все к лучшему».

— Зачем ты сюда приехал?

— Должен был встретиться с другом. Но их могут пока не пустить к причалам. Останутся на рейде.

Долгов звонил накануне. Человек из реальной жизни, которая не отравлена ядом

прошлого. Сообщил, что будет в Кронштадте, что семья в Питере, что цель номер два — забухать с лучшим другом. Номер раз — повидать жену и детей. Это его Зимин надеялся встретить в порту в это утро. Но встретил Машу. Случайность.

— Значит, зря приехал, — шепнула она.

— Не зря. Я ведь, правда, все помню... — сказал по-русски и продолжил уже по-немецки: — Потом встретимся, ничего.

Что-то в ней натянулось, завибрировало подобно струне — что-то очень хрупкое, почти незаметное, о чем она и не знала. Завибрировало так, что непроизвольно задрожала всем телом. И все равно стало, что она всегда знала эту его привычку — говорить по-русски, чтобы она не поняла. И совершенно безразлично, что теперь она не хотела, чтобы он догадался, что она понимает.

— Ты ничего не знаешь обо мне, — прошипела Мари, чувствуя, как кривится рот, — ты не знаешь, как я жила все это время. Не знаешь, что это значит — жить в моем мире. Ты ничего не знаешь, Зимин! У тебя даже сигарет нет. Вот и катись к черту!

— Ты сама решила, что мне не нужно знать об этом. Сама вычеркнула меня из своей жизни и выбрала такой ход событий. И если тебе это не нравится, не забывай, что ты сама так захотела, — в противовес ее выпадку его голос звучал спокойно. Он помолчал, отвернувшись от нее и глядя куда-то далеко. Слишком далеко отсюда. И заговорил снова: — А к черту я прикатился лет пять назад. Знаешь, мы с ним даже подружились.

Зимин снова перевел взгляд на Марию.

А она опустила глаза. Пусть так. Пусть, решила она. В конечном счете, это она покинула лайнер. Тогда как назвать то, что было после? Местью? Но хуже всего то, что он говорил так спокойно. Будто не с ней.

— Хорошо, — устало проговорила Мари. А то, что в ней жило, вибрировало, дрожало, прекратило жить, вибрировать и дрожать. — Прости меня. Прости. Мне пора.

— Почему ты все разрушила? Почему выбрала свой мир? Чем, черт возьми, тебя не устроил мой? Я оказался недостоин наследницы DartGlobal?

Слова вдруг стали лишними.

Михаил взял ее за руку, притянул к себе и поцеловал. Жадно, жарко. Знал, что у него есть лишь несколько мгновений, в которые она будет принадлежать только ему. И еще знал, что это, может быть, единственная возможность снова почувствовать ее губы. Он чутко прислушивался к ее телу, ожидая, мечтая, что оно откликнется на его поцелуй. А она... Она все еще помнила его... пять лет прошло. За которые она пыталась вытравить воспоминания о его поцелуях. Думала, что вытравила. И вот его губы на ее губах. Безвольных. Покорных. Узнающих. Мари закрыла глаза. Обвила руки вокруг его шеи. А потом дернулась прочь. Было слишком больно.

— Никогда больше не прикасайся ко мне, — выдохнула она.

Ему лишь показалось. Так же, как и пять лет назад. Она снова играет с ним. Манит и прогоняет. Какая изощренная пытка.

— Как скажешь. Я исполню любое твоё желание. Успехов вам, госпожа д'Эстен, — деланно поклонился Зимин.

Развернулся и пошел прочь. Достал телефон.

— Наташка? Привет! Я приеду? Сейчас. Да, хочу!

Глядя, как он бежит прочь, она отчаянно пыталась удержаться от первого порыва броситься следом. Безумие какое-то. Так нельзя. Нельзя, иначе никогда не закончится. А ей

было очень нужно, чтобы закончилось прямо здесь, прямо сейчас, в этом проклятом порту.

Она его обвинила.

Он ничего не знает о ней.

Но, справедливости ради, она тоже ничего не знает о нем. И, наверное, никогда не знала.

В сумке завибрировал телефон. Снова Ральф.

Сбросила вызов. Все-таки очень хотелось курить. Что ж, у девушки должна когда-то случиться первая сигарета.

Глава 2.3 Зенит — чемпион (и алые паруса)

— Да, Тань... Я помню... Томатный сок в холодильнике. Я тебе еще потом привезу. Даньку хоть не таскай, скажи ему, что он мужик! Все, я тебя люблю. До завтра! — улыбнулся на ее «Долгов, только, пожалуйста, не до свинячьего образа» и нажал отбой.

Капитан первого ранга Владимир Долгов в кои-то веки навестил старую питерскую квартиру, доставшуюся ему в наследство от отца, в которой он не бывал годами — просто потому, что давно уже не жил в Питере. А когда приезжал сюда с супругой, то останавливались они у Таниной мамы. Но сейчас случай был особый. Долгов вошел в комнату и с улыбкой кивнул Зимину.

— Отпустила до завтра. Ей сейчас нервничать нельзя, лучше мою пьяную физиономию не наблюдать.

Зимин сидел в кресле, откинувшись на спинку и закинув руки за голову. Прикрыв глаза, вполуха слушал, как Долгов разговаривал с женой.

— Хорошо, что отпустила, — открыл он глаза. — Можно будет остаться. А то напиться тянет. В хлам.

С утра он смотался к сестре. Хотелось увидеть ее, племянников. Но, как обычно, нарвался не только на плотный завтрак, но и на душеспасительную беседу. С Туськой было особенно трудно. После того, как она вышла замуж, неожиданно решила, что просто обязана сделать счастливым и брата. И счастье его видела только в одном — женитьбе. Чем скорее, тем лучше.

Зимин не сопротивлялся, зная, что это бесполезно и себе дороже. Он послушно знакомился с Наткиными подругами, подругами ее подруг и дальше по цепочке незамужних дам. Послушно ходил с ними на свидания. Послушно с ними спал. А когда надоедало — уезжал.

Сестра звонила, возмущалась, воспитывала, обижалась. Но потом он уходил в рейс, она отходила и по его возвращении с удвоенной энергией возобновляла свои попытки. Сегодня он узнал, что его ждет очередная избранница...

Михаил рывком оторвал себя от спинки кресла и потянулся за первой бутылкой. Разлил по бокалам свой любимый дагестанский.

— Ну что Долгов, за встречу?

Долгов согласно кивнул, чокнулись, выпили. Поставив бокал назад на стол, негромко спросил:

— Почему в хлам?

Обычно он не лез в душу. Это было не в его правилах — не психоаналитик. Велено в хлам, стало быть, в хлам. И он не ждал от Зимина прямого ответа. Но, в конце концов, он был не слепой.

Зимин глянул на друга.

— Да как-то навалилось все. Один к одному. Рейс был тяжелый. Контору нашу покупают с потрохами. Наташка со своими невестами, — налил по второй, залпом выпил. — Ты-то как? Сколько уже не виделись?

— Сколько... Да год, не меньше... Данька уже читать учится. Таня преподает. Правда, ей в октябре в декрет уходить. Я ее к матери хочу отправить — так оно спокойнее. И ведь не поедет же сама. Иногда думаю, зря я вернулся в армию.

Долгов задумчиво посмотрел на бутылку. Накачиваться до основания он был не настроен, но как-то оно само просилось.

— Зря — не зря... чего уж теперь. Тебе сколько до пенсии? Захочешь, в отставку выйдешь.

Зимин поднялся. Подошел к окну. Равнодушно посмотрел на город, раскинувшийся до горизонта. Чужой город.

— Нас покупает DartGlobal, — глухо сказал в никуда. И обернулся к Долгову. — Наливай, что ли?

Долгов послушно наполнил бокалы.

— Давай хоть колбасы порежу, — проговорил он, — уьемся ж до зеленых чертей.

Пошел на кухню, открыл холодильник. Таня затарила. Колбаса, сыр, лимон. Даже яблоки. Яблоки — Тане. Остальное — годится. Вернулся в комнату с тарелками. Зимин все так же стоял у окна.

— Садись, — бросил он, расставляя посуду, — в DartGlobal хоть руководство нормальное, так что не кисни.

— Нормальнее некуда, — хмыкнул Михаил. — Там теперь госпожа д'Эстен заправляет. Ну, помнишь, которую отец тогда разыскивал... — он снова вернулся в кресло, сжевал кусок сыра. В очередной раз выпил. — По-моему, какой-то паленый коньяк, не берет. А ты говоришь зеленые черти.

Он рассмеялся.

— Нормальный коньяк, — буркнул Долгов, — Миш, я, конечно, могу ошибаться, но я не идиот. Ты уволился из DartGlobal сразу после того рейса. Теперь снова... У тебя этот взгляд раз в жизни был — тогда. Хреново?

Хреново. Долгов всегда умел характеризовать просто, но емко.

— Не ошибаешься ты, Володь... Я ведь на ней жениться собирался. Был бы такой владелец заводов и пароходов, — Зимин коротко хохотнул. — Я, конечно, сам дурак. Черт его знает... она казалась такой искренней. В общем, Золушки из меня не получилось, — Зимин помолчал. — Она сейчас здесь.

Долгов присвистнул.

— Она? — взял со стола бутылку, плеснул по бокалам. Задержал взгляд на лице друга. Нахмурился. — У меня тогда... сам помнишь, не до того... Миш, и что? Сейчас снова?

Михаил снова выпил. И вдруг почувствовал, как обожгло горло. Криво улыбнулся.

— Что, что... ничего. К черту снова. Ты б ее видел! Деловая такая. Бизнес-фрау. Да ладно, — он махнул рукой. — Тут Туська очередную подругу для меня нашла, пришлось пообещать, что встречусь. Так что переживу семейный ужин и свалю из Петербурга.

— Прости, я ненавижу говорить банальности, — Долгов чуть пригубил и продолжил, — но здесь не обойдусь. От себя ведь не сбежишь. Ты за пять лет хоть немного дальше стал?

— Нет, не стал. Но это ничего не меняет. Она не одна. А лезть в чужие отношения я не намерен.

— Твое дело. Я бы влез, — спокойно сказал Долгов, влил в себя разом содержимое бокала, встал и сам подошел к окну. — Тебе никогда не говорили, что за любимых женщин бороться надо? Ты хоть пробовал... бороться?

Он обернулся и посмотрел на Михаила.

— Давай без нравоучений, умник. Все, сворачиваем тему. О твоей семье поговорили, о бабах тоже. Переходим к спорту. «Зенит» — чемпион? За это стоит выпить!

— Чемпион так чемпион, — согласился Долгов, резко меняя тон с мрачного на спокойно расслабленный, — у меня последний вопрос семейного характера. Рано, конечно... Но я тебя кумом хотел позвать. Танюше в декабре рожать.

— От такого не отказываются, — и Зимин снова наполнил бокалы.

— Тогда за Таню! — провозгласил Долгов и подмигнул Зимину. Эти душевные разговоры всегда тяжело ему давались.

Утром следующего дня их разбудил Данькин вопль:

— Мама, папа опять насвинячил!

— Данька, поставь бутылку на место! — это был уже голос Тани.

В питерском офисе DartGlobal было непривычно оживленно — накануне новая метла приехала. Порядки наводить. И ладно бы прислала представителей, так нет же — собственной персоной! Двадцатичетырехлетней! Первые пару часов всерьез не воспринимали. Ближе к обеду поняли, что с девчонкой шутки плохи — мегера! К трем часам дня все отделы уже получили задания к утру предоставить отчеты по своей работе за полгода. А два из них — отличились особенно. Новая метла поставила под вопрос само их существование. На двенадцать часов следующего дня было назначено собрание, а сама «мегера» вызвала на ковер директора питерского филиала. В свете произошедшего в Кронштадте этот вызов казался зловещим.

Алексей Викторович Скориков всю свою жизнь считал себя человеком спокойным и рассудительным. Но слушать, как его отчитывает девчонка, не намеревался. Потому настроен был воинственно.

Девчонка сидела в «президентском» кресле конференц-зала и читала какие-то бумаги.

— Присаживайтесь, господин Скориков, — сказала она по-русски, но с довольно сильным акцентом, — у меня расчеты по БалтТрасту.

Алексей Викторович присел и хмуро посмотрел на нее.

— Я могу чем-то быть вам полезен? — спросил он, думая не без злорадства, что немка попросту не в состоянии с чем-то там разобраться.

— Да, можете, — ответила Мари, — вы кофе будете?

— Нет, благодарю вас, — сдержанно ответил он, удивляясь тому, как быстро она освоилась в роли хозяйки. Впрочем, чему тут удивляться? О том, что она заняла одну из руководящих должностей в DartGlobal еще три года назад, господин Скориков знал.

— Как хотите. Так вот, я ознакомилась с этими расчетами. Мы не можем себе позволить этого сейчас, и мы оба это понимаем. В свете пожара на «Клелии» мы вообще очень мало что можем себе позволить.

— Страховка, — заикнулся, было, Скориков, но тут же добавил, — впрочем, пока они проведут экспертизу, пока установят причины...

— Именно. А ждать нельзя. Иначе БалтТраст уведут из-под носа.

«Ну, уведут и уведут... и бог с ним...» — уныло подумал господин Скориков, но вслух сказал:

— Я так понимаю, вы хотите сократить расходы, чтобы сэкономить средства. Для этого вы закрываете отдел Семенова?

— Да. Другого выхода у нас нет. Но даже это не даст желаемого результата. Кредит нам предоставят. Мы уже много лет работаем с этим банком... Здесь, я полагаю, проблем не будет, но БалтТраст окупит себя нескоро. Мы надеялись начать выплаты по кредиту из прибыли в этом сезоне.

— И? — спросил Скориков, пытаясь успевать за ходом ее мысли и при этом разбираться в акценте.

— И, соответственно, нужно вести переговоры с Шумовым. О скидках. Давить на то что нужна модернизация. А она действительно нужна... Шумов это знает, один из его... подчиненных подтвердил при нем необходимость ее проведения.

Мари вскочила с кресла и подошла к окну, заложив руки за спину. Проводив ее взглядом, Скориков проговорил:

— Я не думаю, что Шумов согласится. Они уже и так пошли нам на встречу, согласившись на рассрочку.

Мари обернулась и снисходительно посмотрела на Скорикова:

— Значит, надо сделать так, чтобы он согласился. Предложите ему остаться во главе конторы. В конце концов, лучше него никто эту работу не знает. Пока мы найдем кого-то хоть вполовину подходящего, пройдет время.

— Хорошо, — пробормотал Скориков, — допустим... Но даже если они предоставят скидку... Нам все равно не достанет средств.

— Я найду выход, — ответила госпожа д'Эстен, и в ее голосе он явственно услышал упрямство.

«Ну-ну, — думал Скориков, покидая конференц-зал, — а птичка-то с коготками».

Собрание следующего дня лишь подтвердило его первый вывод. Объявили о закрытии отдела Семенова. Сняли с должностей руководителей двух других отделов. И чем больше бушевала маленькая немка, тем шире расплзалась улыбка Скорикова по лицу. То, что, с ее точки зрения, он отвратительный руководитель, и ему понятно. Но к обеду он был почти влюблен. Во всяком случае, ее решительность и напористость ему импонировали.

Когда все разошлись, госпожа д'Эстен заявила:

— В целом я довольна работой филиала. Это целиком ваша заслуга.

Глаза его полезли на лоб. Мари вдруг улыбнулась непривычно, по-девчоночьи, и добавила:

— Но, разумеется, нужны доработки и дисциплина. Во всем.

«Море — это моя жизнь. Я тоже люблю его и не представляю, что мог бы жить как-то иначе. Но сейчас мне нравится быть здесь, рядом с вами».

Мари открыла глаза. Очередной чертов день вступил в свои права. Медленно встала. Медленно подошла к окну. Небо хмурилось. А когда оно не хмурилось? Кажется, с того мгновения, как она приехала в Петербург, не было ни одного солнечного дня. Впрочем, к лучшему. В последнее время ее не покидало ощущение дежа вю. Она снова прячется ото всех. В этом номере и в офисе. Крепость! Мари невольно усмехнулась, но усмешка стерлась с ее губ.

Ей теперь часто снились сны. Чаще, чем раньше. Чаще, чем за всю жизнь. И в этих снах он целовал ее и не отпускал, когда она пыталась вырваться.

После того утра в порту Кронштадта они больше не виделись. Она избегала поездок в БалтТраст, отправляя туда Скорикова. Она запрещала себе думать. Запрещала вспоминать. По старой привычке загружала себя работой до глубокой ночи так, что не вздохнуть. Но были эти проклятые сны.

Только вот в субботу в офисе делать нечего. Сидеть в номере и жалеть себя она тоже больше не могла. И, в конце концов, достала из чемодана кеды и джинсы. Гулять так гулять! В конце концов, она в одном из красивейших городов мира... который почти не видела из

окон офиса, гостиницы и автомобиля.

С погодой все же повезло, дождя не было. Можно было бродить по городу хоть до вечера. И думать о том, где здесь бывал он... Сидел ли в этом кафе? Стоял ли у того моста? Любовался ли с этой точки Невой? Мари впустила в себя воспоминания. Кажется, впервые за долгие годы. По-настоящему.

Через два месяца после возвращения в Гамбург, отец явился к ней с пакетом фотографий. Одного взгляда хватило, чтобы узнать — Дувр. Мари резко подняла глаза на отца и спросила:

— Откуда?

— Твой капитан прислал, — с сарказмом в голосе ответил отец, — знаешь, что он хотел получить за эти фото?

Мари молчала. Просто смотрела на эти изображения, на которых она была счастлива. Сил оторвать от них взгляд у нее не было.

— Мария! — рыкнул отец. — Ты понимаешь, что он обманывал тебя! Все, что его интересовало, это деньги. Не удалось получить тебя, так он решил хоть какой-то куш с этого сорвать. Мария, ты слышишь?

— Слышу, — ответила она ровно, — ты оставишь их мне?

Он бросил фото на кровать и ушел. Той же ночью Мари их сожгла в пепельнице. И больше никогда не вспоминала о том, что они были. Потому что вопреки всему — не верила.

Да, он ее предал. Да, он почти убил ее. Но что значил тогда этот его резкий, почти злой поцелуй в Кронштадте? Неужели так просто обмануться, если очень хочется поверить? Ведь не будет так больно.

И вдруг Мари замерла у Троицкого моста, чувствуя, как где-то в горле отчаянно колотится сердце, а сил идти дальше просто нет. Она стояла и смотрела на громадьё возвышающихся над ней... алых парусов. Отчаянно сжала пальцами сумочку — до побеления костяшек — и всматривалась в зрелище, открывшееся ей в эту самую минуту. Вот они. Алые. Как когда-то давно. Звуки из мира исчезли. Ничего не было. Она и это громадьё.

«Тогда сначала пойдем на берег. Посмотрим, вдруг на горизонте появятся алые паруса».

Его голос словно бы прозвучал у самого ее уха.

Мари дернулась, отгоняя наваждение. Но наваждение не исчезало, победно сверкая парусами под непонятно откуда взявшимся солнечным светом среди туч.

Вокруг снова заходили люди, звуки стали различимы и она окликнула проходившую мимо женщину:

— Простите, для чего это?

— Так бал выпускников — Алые паруса, — просто пожала плечами женщина и пошла мимо.

В понедельник Мари вызвала начальника отдела кадров с просьбой принести из архива дело капитана Зимина М. А. Она сидела перед папкой, чувствуя, что впервые за долгое время ей становится легче дышать — он уволился на следующий день после завершения круиза. А это значило... Господи, да что это могло значить? Что, в конце концов, имеет значение, если тогда, на том чертовом причале в Кронштадте, он спросил у нее, почему она не выбрала его мир? Спросил так, будто в жизни нет ничего важнее ответа на этот вопрос? Будто имел право его задавать!

Мари вскочила и забегала по конференц-залу. Ведь он мог отправить отцу те треклятые фото только потому... потому, что она сама бросила его. Сама! Ведь для него это так и

выглядело.

Через полчаса Мари звонила Шумову — любыми путями ей нужно было встретиться с Мишей. Даже если он не захочет.

Глава 2.4 Ошибки

Михаил сидел в приемной Шумова и нетерпеливо поглядывал на часы. Его вызвали к пяти, сейчас уже почти шесть. Секретарь лишь недоуменно пожимала плечами:

— А что я могу сделать? У него важное совещание.

— Я могу прийти в другой день.

— Он велел ждать.

И Зимин ждал. Николай Егорович позвонил с предложением внеочередного рейса, соблазняя двойной оплатой. Михаил для виду принял сомневающийся тон, но на самом деле сразу же решил, что воспользуется этим предложением. Несмотря на то, что увольняться он передумал, Зимин намеревался провести отпуск за пределами города. Он понимал, что Мария недолго пробудет в Петербурге.

Скупит все, что под руку попадется, и уедет.

Но их случайные встречи тревожили. Они воскрешали воспоминания, возвращали в прошлое, которое с таким трудом удалось похоронить. Бередили не болевшее только потому, что к этому не прикасались.

В одном городе им будет тесно.

Он снова посмотрел на часы. Еще это чертово «свидание». Когда уже сестра уймется?

Неожиданно дверь из кабинета отворилась, и оттуда вышла целая процессия во главе с госпожой д'Эстен. Следом шествовали Шумов, переводчик и еще какой-то мужик — явно не из БалтТраста. Слишком уж лощеный. Мари, увидев Зимина, резко остановилась и, сдержанно улыбнувшись, кивнула.

— А! Михаил Александрович! У тебя, голубчик, нынче ажиотаж! — провозгласил Шумов. — Тут госпожа д'Эстен хотела с тобой переговорить. Сопроводи ее в переговорную. Потом дуй ко мне, если за ее предложение не ухватишься.

«Началось! — уныло подумалось Зимину. — Переговоры, переговоры. Как она не устает от них?»

Он привел Марию в кабинет. Лощеного хлыща она отпустила сразу. Следом семенил переводчик.

— Простите, мне нужно позвонить, — Михаил отошел к окну и набрал сестру. Наташка его убьет.

— Наташ, привет! Я не приеду... Я не могу, я на работе... Тусечка... Туся... Все потом, — очень хотелось гаркнуть, но в таком случае разговор бы затянулся минимум на полчаса.

Он отключился и вернулся к столу.

— Чем могу быть полезен, госпожа д'Эстен? — спросил Зимин, сев через несколько стульев от Марии.

— Я полагаю, мы все же сможем обойтись без переводчика, — проговорила Мари с легкой улыбкой на губах, пытаясь скрыть накотившее на нее отвратительное желание немедленно выяснить, кто такая «Тусечка». — Кажется, этот вопрос мы с вами выяснили в нашу последнюю встречу.

— Как вам будет угодно, — усмехнулся Михаил.

Когда переводчик ушел, Мари едва заметно выдохнула и сцепила пальцы — те дрожали. Впервые, кажется. Они остались наедине. Тоже впервые за эти пять лет — по-настоящему

наедине. В конце концов, следовало признать — она сама была виновата в случившемся. И, самое смешное, теперь, как и пять лет назад, она готова была вешаться ему на шею — это было и страшно, и казалось естественным.

На столе стоял графин с водой и стаканы. Мари медленно встала и плеснула воды. Быстро выпила и перевела взгляд на Мишу.

— После сделки... опять уволишься?

Такого дикого отпуска у него еще не было. Все чего-то от него хотели. Сестра лечила душу, Долгов — мозги. Мария решила озаботиться его карьерой. И в цирк ходить не надо.

— Нет, опять не уволюсь. Если вам надо — увольняйте меня сами.

Мари нервно хохотнула.

— Хватит дурака валять, — ответила она, — «Клелию» я тебе не предлагаю, сам понимаешь. У нас в Гамбурге новое судно будут спускать в июле. Планируем задействовать его в круизах по Средиземноморью. Одна проблема — ты очень редко сможешь бывать дома.

Михаил удивленно приподнял брови.

— Я и сейчас нечасто бываю дома. Пока никто не жалуется. Но я привык к сухогрузам. И не собирался ничего менять. Снова лайнер? Зачем тебе это нужно?

— Потому что мы снова будем ориентироваться на российский рынок туристических услуг, — выпалила она, — и мне нужен опытный капитан.

Мари налила еще воды и поставила стакан на стол. Села на место.

— Опытных капитанов достаточно много, чтобы их хватило для всех лайнеров DartGlobal. Могу посоветовать некоторых, — спокойно проговорил Михаил.

— Можешь предоставить список в письменном виде, но мне все равно нужен будешь ты. Ты работал в этом бизнесе не один год. И знаешь все изнутри.

Зимин хмуро глянул на Марию. «...нужен будешь...» В руке завибрировал телефон. Сестра. Нажал отбой и снова посмотрел на будущую хозяйку.

— Считаешь, что покупая корабли, ты покупаешь и людей? Хорошо. Итак, чего ты хочешь?

Мари вздрогнула. Снова схватилась за стакан, пригубила, а потом только отважилась снова посмотреть на него.

— Я прошу тебя о помощи, — ответила она, — поверь, я не в той ситуации, когда могу диктовать волю другим.

Кажется, все это когда-то уже было. Она нуждалась в помощи, он с непонятной самому готовностью сделал для нее все. Теперь перед ним вход в новый круг. И он знал, что войдет в него, потому что она об этом просит. Чем бы все это ни закончилось.

— Я помогу тебе, если это так для тебя важно, — помолчав, сказал Зимин.

Кажется, стало только труднее. Мари встала со стула и подошла к окну.

— Спасибо, — тихо сказала она, — есть еще кое-что, о чем нам надо поговорить. Только не здесь, если ты не возражаешь.

— Вряд ли есть что-то еще, кроме работы, о чем нам стоит разговаривать. И меня ждет Шумов. Пока что он мой работодатель.

— Хорошо, — Мари покорно кивнула и подошла ближе, протянув ему руку, — ступай... С его стороны было любезно предоставить мне возможность поговорить с тобой до подписания бумаг.

«Если они будут подписаны», — мелькнуло в ее голове.

Михаил поднялся и взял ее за руку. Ему кажется, или ее пальцы действительно дрожат? Он чуть сжал их в своей руке. Напряженно сглотнул.

— Подожди меня здесь, я скоро.

Он торопливо вышел из переговорной. Направляясь к Шумову, старался не думать ни о ее пальцах в своей руке, ни о странном выражении ее глаз, которое ему, возможно, лишь показалось.

Николай Егорович повторил свое предложение о рейсе, от которого Зимин, в свете сложившихся обстоятельств, отказался. Предупредил, что, скорее всего, уволится в ближайшее время. Даже если он снова ошибся, он обещал... Маше.

Минут через двадцать он снова был в переговорной.

Мари сидела за столом, уронив голову на ладони. Когда он вошел, она подобралась и посмотрела на него. И никак не могла понять того, что между ними происходило — тогда, но сейчас — особенно. Просто без него она задыхалась в эту минуту едва ли не сильнее, чем пять лет назад. Какая тут, к черту, гордость? Какая разница, кто кого тогда предал? Какая разница, кто из них виноват больше, если она так и не может без него?

— Куда мы пойдем? — напряженно спросила она.

— Куда скажешь.

Мари молчала, внимательно глядя на него. А потом выдохнула:

— Тогда пригласи меня к себе.

Добирались долго. Сквозь пробки, на другой конец города, почти не разговаривая.

Наконец, дом, лифт, тринадцатый этаж.

Михаил повернул ключ и пропустил Марию в квартиру.

— Проходи, располагайся. Кофе будешь?

Мари скинула туфли и прошла в комнату, на ходу стаскивая пиджак. Не потому, что жарко. А потому, что задыхалась — от волнения. Легче не стало. Ступая по голому полу, она осмотрелась по сторонам. На стене висели фотографии. Много фотографий, с которых смеялась зеленоглазая девушка в окружении двоих детей. На некоторых с ней был и Миша. Мари грустно улыбнулась.

— Кофе... буду... Это твоя семья?

— Семья, — Михаил вслед за ней посмотрел на фотографии. Наталья с упрямой настойчивостью развешивала их по стенам его квартиры, пока он бы в рейсах.

Мари вся подобралась, но лицо ее казалось растерянным.

— Она красивая... очень, — пробормотала она негромко. — Рада за тебя...

— В смысле? — удивился Зимин.

— В обыкновенном, — она схватилась за ручки сумки, брошенной до этого в кресло. — Прости, я, наверное, зря напросилась... Я, правда, рада, что у тебя все хорошо.

Зимин нахмурился, пытаясь понять, что случилось. Что не так с этими чертовыми фотографиями. Снова осмотрел их быстрым взглядом и, наконец, врубился.

— Это сестра. И племянники.

Мари так и села в это кресло, возле которого застыла мгновением ранее. С ее губ сорвалось еще более растерянное:

— Я не знала, что у тебя есть сестра.

— Мы многого не знали друг о друге, — ответил он и снова спросил: — Кофе?

— Да, пожалуйста, — она кивнула, понимая, что эти минуты, пока он будет готовить — единственная возможность прийти в себя.

Недолго провозившись на кухне, Зимин принес в комнату поднос с чашками и сахарницей. Поставил все на маленький столик. Расположился в любимом кресле и смотрел на Марию, которая с любопытством разглядывала комнату. Сейчас она казалась более собранной, чем в БалтТрасте или чем еще несколько минут назад. И вместе с тем напоминала натянутую струну, которая вибрирует от всякого шевеления воздуха.

— Так о чем ты хотела поговорить? — негромко спросил Михаил.

Так и есть. Вздрогнула, резко повернулась к нему и проговорила.

— Да, я хотела... Но прежде всего, я прошу тебя, давай прошлое оставим в прошлом и упоминать о нем не будем.

«...прошлое оставим в прошлом». Михаил чуть дернулся. Все верно.

— Даже если бы и хотела, разве есть, о чем упоминать? Что там у тебя?

Она усмехнулась, но глаз не отвела.

— Я просто хотела задать один-единственный вопрос — зачем ты поцеловал меня в Кронштадте? — взяла в руки ложку, намереваясь помешать сахар в чашке. Руки продолжали дрожать. Пришлось бросить это бесполезное занятие.

Пока она говорила, он внимательно наблюдал за ней. Куда делась уверенная в себе госпожа д'Эстен? Он чувствовал усталость от ее постоянных метаморфоз.

— Мари, ты давно не ребенок, что за глупые вопросы? Мужчина поцеловал женщину. Что в этом такого? Я тебя обидел? Прости, этого я точно не хотел.

— Если бы обидел, меня бы здесь не было, — проговорила она. Ну, вот и повисла у него на шее. Как всегда.

— Тогда зачем ты здесь?

Мари облизнула губы и словно в омут с головой...

— Я пытаюсь понять, что между нами происходит. Ведь происходит же?

В конечном счете, следовало признать, что уже произошло. Пять лет назад. И продолжается до сих пор. Их разговор напоминал ему шаги по первому льду. Перейти Неву от Петропавловки до стрелки Васьки. Подвиг, когда тебе двенадцать лет. Но уже очень давно он перестал совершать такие сомнительные подвиги.

— Нельзя понять то, чего нет. Я даже не уверен, что было что-то... — он запнулся, — тогда. В том прошлом, о котором ты говорить не хочешь.

— Значит, я ошибалась, — Мари покорно кивнула — как часом ранее, в офисе БалтТраста, — прости... Это все ужасно неприятно. Вызовешь мне такси?

Ошибалась... Какая невыносимая глупость... Она продолжала ждать его все эти пять лет. И ошибалась. Почувствовала, как к глазам подступают слезы. Еще чего не хватало!

Зимин поднялся, подошел к телефону.

— Как скажешь. Тебе не за что извиняться. Всем свойственно ошибаться, — и добавил по-русски: — Я тоже не исключение, и неприятное последствие ошибок — это еще мягко сказано.

Он снял трубку, собираясь набрать службу такси.

— Я тебя люблю, — всхлипнула она, понимая, что окончательно сошла с ума.

Михаил медленно положил трубку обратно. Это тоже уже когда-то было. Ее слезы, ее признания. И тогда она точно так же была одна, сбежав со свадьбы. От чего... или кого... она сбежала теперь?

Он подошел к Марии, протянул ей платок.

— Мари, не мучай ни себя, ни меня. Ты снова что-то придумала себе. Пройдет неделя, и

все вернется на свои места. Тебе опять захочется в свой мир. И ты снова уйдешь. На сколько в этот раз? На пять, на десять лет? К чему все это?

Мари вырвала платок из его рук. Движение получилось злое, резкое. Перевела на него взгляд, понимая, что граница перейдена — сама перешла, и проговорила неожиданно охрипшим голосом:

— Жаль, что так. Жаль, что ты считаешь, что придумала. Но ты прав — комедия подзатянулась. Хорошо. Первого июля жду тебя в Гамбурге. Я не уверена, что документы о сделке будут подписаны до этого времени, потому рекомендую не тянуть с увольнением из БалтТраста. Второго — спускаем «Паруса» на воду.

Мари встала и сама подошла к телефону. Все было предельно просто — позвонить в DartGlobal и попросить пригнать служебную машину:

— Какой у тебя адрес? — спросила Мари, избегая смотреть в его глаза.

Зимин назвал улицу и дом. Провожая взглядом Марию, понимал, что зря ввязался в эту авантюру с лайнером. Ничего из этого не выйдет. Она будет продолжать играть, а он... однажды он сорвется.

Глава 2.5 Ральф Какеготам?

«Откуда ты только взялась, Машка моя?»

Самой ужасной ошибкой было не то, что она снова призналась ему в любви. Самой большой ошибкой было то, что она действительно его любила. Все пять лет. За которые так и не вычеркнула его из жизни. Она была виновата — отчаянно виновата перед отцом, перед Ральфом... и даже перед Мишей. Ведь, что бы она ни пыталась предпринять, все шло прахом.

Мари сидела в кресле своего номера в гостинице, укутавшись в одеяло, и усиленно жалела себя. Жалеть получалось очень эффектно. С бокалом рома в руке и сигаретой. Еще немного, и она выучится курить. Раздавалась трель телефона. А она все надеялась, что звонившему надоест. Не надоедало. В конце концов, Мари встала с кресла, сняла трубку и услышала голос консьержа, извещавшего ее о посетителе.

«О! Миша пришел!» — пьяненько подумала Мари и попросила пропустить визитера.

Однако вместо Миши на пороге почему-то возник Ральф. Он влетел в номер, остановился в середине комнаты и озадаченно уставился на пепельницу под креслом.

— Какого черта ты устроила? — спросил он недовольным голосом.

— Я ни черта не устраивала.

— Мари, я спросил, какого черта?

«А к черту я прикатился лет пять назад. Знаешь, мы с ним даже подружились».

Мари коротко хохотнула и прошлепала к креслу.

— Я же просила — не приезжай, — сказала она устало.

— Ты что, пьяная?

— Не настолько, чтобы не помнить, что просила тебя не приезжать.

— Опять он?

— Я же просила, — протянула Мари, равнодушно подняв со столика бокал и отпив еще глоток.

— Так! Хватит! — Ральф отнял бокал, сгреб ее в охапку и поволок в ванную. Впрочем, она не особо сопротивлялась. А когда ее прямо в одежде сунули в душ под воду, ей вдруг стало капельку лучше. Будто вместе с водой и хмелем, с нее стекала усталость, безысходность и теперь уже такая привычная корка, сковывавшая ее душу. Она смотрела прямо перед собой и точно знала только одно — у нее нет времени на похмелье.

— Что? Так лучше? — спросил Ральф.

— Да. Намного. Спасибо, — ответила она.

Он замер, будто бы пытаясь рассмотреть выражение ее лица. А потом в его глазах отразилось понимание.

— Все-таки он, — пробормотал Ральф.

— Нет. Просто не ты.

Ральф вылетел из ванной, громко хлопнув дверью. Мари спокойно стащила майку и подставила тело струям воды. Закрыла глаза. И заставила себя вспомнить что-то очень важное. Что-то, о чем боялась даже думать. Он приедет в Гамбург первого июля. Он приедет. И все начнется сначала. Но можно ли назвать ошибкой то, что было между ними пять лет назад. Она упорно вычеркивала из памяти грязную историю с шантажом. Этого не было. Не могло быть. Человек, отпустивший ее из своей квартиры, не мог отправить отцу те

фото. Не мог.

Она сняла с вешалки полотенце и неторопливо вытерлась. Надела халат и прошла в комнату. Теперь курил Ральф.

— Я хотела попросить у тебя прощения за все, — тихо произнесла Мари.

Он резко обернулся и посмотрел на нее так, будто его удивляло то, что она извиняется.

— Ты точно решила? — голос его прозвучал глухо.

— Мне нужно было решить уже давно. Прости, что так поздно.

Он подошел к ней ближе. Взял за руку и сказал:

— Ты же знаешь, что я все равно буду ждать. Я люблю тебя. И я терпелив.

— Все мы чего-нибудь ждем, — ответила она, вырывая руку.

— Могу я переночевать у тебя, или мне на ночь глядя искать, где остановиться?

— Лучше поищи, — ответила Мари и улыбнулась одними губами. И вдруг он притянул ее к себе и впился в них поцелуем. Мари задергалась, вырываясь, а он продолжал терзать ее рот. Голова кружилась — от алкоголя, от усталости, от боли. От отвращения — она никогда не думала, насколько может быть отвратителен поцелуй, любое прикосновение, когда его навязывают. Впрочем, Ральф всегда себя навязывал. А она привыкла. Теперь... все изменилось?

Мари вцепилась ногтями в его щеку, как дикая кошка, и заставила его отпустить.

— Никогда, никогда не смей прикасаться ко мне, — выдохнула она, и ей стало смешно — не так давно те же слова она сказала совсем другому человеку. Поцелуи которого заставляли ее забыть весь мир.

— Не думай, что все кончено, — хрипло сказал Ральф.

— Нельзя закончить то, чего нет.

Он побледнел, и в какую-то минуту ей показалось, что вот теперь он ее ударит. Но он этого не сделал. Он вылетел из ее комнаты, хлопнув дверью, а она так и осталась стоять в ее середине. И вдруг с совершенной ясностью поняла, что делать дальше. Утром следующего дня, переложив ответственность за переговоры с БалтТрастом на Алексея Скорикова, и созвонившись с Дональдом, ставшим с некоторых пор ее адвокатом, Мари вылетела во Францию. Дональду было поручено немедленно заняться продажей имущества, доставшегося ей от матери.

Зимин сидел в приемной и писал заявление. Через пять лет он снова возвращается в DartGlobal.

Он никогда не жалел о том, что ушел тогда. Теперь есть шанс начать все сначала. И не только на лайнере. Вот только он не знал, нужно ли это. Зачем вообще это нужно? Просто. Она попросила. Все.

Он услышал, как открылась дверь. Поднял голову, увидел, как в кабинет зашел высокий мужчина, опустил глаза к столу. И вдруг вспомнил... Гамбург... Фотография в журнале...

Мария д'Эстен и Ральф Какеготам?.. Михаил снова поднял взгляд и внимательно посмотрел на вошедшего. На его лице живописно краснели три царапины. Такие оставляют женские ноготки.

«А говорила, что он в Гамбурге», — подумал Зимин и невесело усмехнулся.

— Какая удача! Вот и господин Зимин, — с улыбкой проговорил «заочный знакомец» и протянул для пожатия руку.

Михаил встал, коротко пожал протянутую ему ладонь и, глядя прямо в глаза улыбающемуся немцу, спокойно сказал:

— Не припомню, чтобы мы были знакомы.

— Официально — нет. Но у нас есть, что обсудить. Ригер. Ральф Ригер, — «знакомец» скрестил руки на груди и оценивающе посмотрел на Зими́на. Улыбки будто и не было. — Представьте себе, я здесь ради встречи с вами.

Какеготам? выглядел настороженным, и это позабавило Зими́на.

— За что такая честь?

— Давайте это обсудим... не здесь. К господину Шумову успею вернуться и позднее. Внизу я видел ресторанчик. Нам подойдет.

— Давайте обсудим, — согласился Зими́н. Он бы слукавил, если бы сказал, что ему совсем не любопытно, о чем собирается говорить с ним этот человек.

Они расположились в небольшом ресторанчике напротив офиса БалтТраста. И, заказав по чашке кофе, не заговаривали до тех пор, пока не был принесен заказ. Собственно, это молчание даже со стороны выглядело странным. Наконец, после того, как официантка удалилась, Ральф разомкнул губы и проговорил:

— Я полагаю, нам нет смысла разводить политесы, господин Зими́н. Меня интересует цена вопроса. Сколько вы хотите за то, чтобы оставить ее в покое?

Господин Зими́н положил на стол руки и сцепил пальцы.

— Потрудитесь выразаться яснее, — ровным тоном сказал Михаил.

— Да уж яснее некуда. Речь идет об одной особе, которую мы оба с вами имеем честь знать. Я хочу понять, чего вы хотите, чтобы прекратить любые контакты с ней, — Ральф усмехнулся, но вид его был далек от расслабленного. Он медленно поднял с блюда чашку и сделал глоток. — Ненавижу горький, — добавил он, потянувшись за сахарницей.

Михаил подождал, пока немец размешивал сахар.

— Я тоже хочу понять, по какому праву вы считаете возможным указывать мне, что делать, — ответил он.

Ральф окинул его оценивающим взглядом, коротко кивнул и сказал:

— Хорошо. На том основании, что я намерен на ней жениться. И меня не устраивает тот факт, что она принимает ухаживания постороннего мужчины.

— Если осуществите свои намерения, тогда и рассуждайте о том, что вас устраивает, а что нет.

Зими́н поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Ральф вскочил следом.

— Чего вы добиваетесь? — процедил он, растеряв разом всю свою сдержанность. — Пять лет назад попытались сорвать большой куш, но не вышло. А теперь новая попытка? Даже другую богатую дуру искать не пришлось?

«Дуру?» — вспышкой полыхнуло в голове.

Недолго думая, Михаил резко ударил по лицу зарвавшегося германца.

— За словами последи, — от души выругался он по-русски и пошел к выходу, разминая пальцы. Улыбался. Оказывается, давно не пускал в ход кулаки.

Немец догнал его через два шага. Схватил за локоть, вывернув его, и процедил сквозь зубы:

— И все-таки я настоятельно рекомендую больше не вставать у меня на пути. Это чревато.

Михаил сумел отцепить цепкие пальцы противника и спокойно сказал:

— Вот пугать не надо. Хотя, судя по твоей физиономии, тебя мало, кто боится.

К ним уже спешили охранники. Бледный от ярости, Ральф все же взял себя в руки — это усилие над собой было заметным.

— А зря, — проговорил он, — очень зря. Запомните, господин Зимин, Мари была, есть и будет — моя. Десятидневное знакомство пять лет назад никакой роли не играет.

Немец кивнул охранникам и вернулся за столик. Допивать кофе.

— Весьма сомнительные истины, — бросил Зимин вслед Ральфу. Объяснился с охранниками и вышел из ресторана.

После этого странного разговора, появилось много вопросов, ответы на которые он намеревался получить у Марии при первой же возможности. Михаил нахмурился, вспомнив расцарапанное лицо немца. Воображение нарисовало грязную картинку, пальцы сами сжались в кулаки. Урод!

И все-таки была одна важная вещь, которую он узнал. Все эти годы Какеготам? всего лишь намеревался жениться. Пять лет — долгий срок для намерений.

Десять дней...

Для него десять дней изменили все. А для нее?

Глава 2.6 Паруса

— Если... если вам еще понадобится помощь...

Коробка, пакет, визитная карточка... Ми-ха-ил.

Он приезжает. Сегодня он приезжает.

Кофе в горло уже не лез. Да и, по правде сказать, она забыла, когда нормально ела в последнее время. Поездка во Францию дала свои результаты. Покупатель был найден. Оставалось утрясти вопросы цены. И брешь, образовавшаяся в результате выхода из строя «Клелии», можно будет считать заполненной. Условия покупки мощностей БалтТраста были почти оговорены. Подписание договора планировалось на десятое июля. К тому времени Мари надеялась избавиться от имущества д'Эстен с тем, чтобы сразу после этого вылететь в Россию — заключать сделку.

— Твой отец не одобрил бы этого, — с улыбкой констатировал Дональд, сидевший в ее кабинете, — нельзя жертвовать личными средствами.

— Мой отец едва удерживал компанию наплаву в последние годы. И потом... DartGlobal — это и есть личное.

Дональд встал с кресла напротив, обошел стол и накрыл ладонью ее руку:

— Меня всегда поражала твоя уверенность в собственной правоте.

— Мне кажется, это всех только раздражает, — Мари подняла голову, взглянув на него, — отца, Ральфа, подчиненных. В сочетании с возрастом — не лучшая черта. Выглядит ужасно, стоит признать.

— Ты не сомневаешься. Как знать, может, так лучше.

— Выхода ведь все равно нет, — Мари встала из-за стола и обернулась к Дональду. — Спасибо тебе. Не знаю, что бы я без тебя делала.

Она знала Дональда бесконечно давно. С тех времен, когда он работал в компании Ригеров в юридическом отделе. Он готовил их брачный контракт, он курировал многие вопросы, связанные с предполагаемым слиянием в то далекое время. Позднее он ушел от Ригеров и открыл частную практику. Компания DartGlobal была одним из его самых крупных клиентов.

— Что там у вас с Ральфом? — зачем-то спросил Дональд.

Мари пожала плечами.

— Я иногда думаю о том, а было ли у нас что-то.

Она солгала. Она о нем совсем не думала. Даже странно. А ведь он был ее близким... близким кем? Другом? Нет, друзьями они так и не стали. Партнером по бизнесу? Следовало признать, что вместе с компанией, она получила в наследство и это партнерство. Мужем ее он не был никогда и быть не мог. Просто однажды, спустя почти год после того, как Мари сошла с лайнера, он пригласил ее прокатиться на яхте. И там сделал своей любовницей, не спрашивая ее на то разрешения. Потом было повторное предложение пожениться. И вежливый отказ. Это определило их отношения в будущем. Дальше постели так и не шло. Она его не любила. Он это знал. Честно.

— Все настолько ужасно? — приподнял бровь Дональд.

— Да нет... Просто никак.

— Я никогда не задавал тебе вопросов, но...

— Вот и не задавай, — перебила его Мари. — Вы друзья.

— С тобой тоже.

— Дональд, — Мари подняла к нему глаза и улыбнулась, — ты же знаешь... Своими глазами видел, как я сбегала со свадьбы пять лет назад. Я не изменилась. Все. Я бы и сегодня сбегала.

Сбежала бы, зная наперед, что будет после...

Он приезжает. Сегодня он приезжает.

— Если... если вам еще понадобится помощь...

Коробка, пакет, визитная карточка... Ми-ха-ил.

... на борту самолета, выполняющего рейс по маршруту Санкт-Петербург...

Через два с половиной часа он будет в Гамбурге. Накануне он получил инфолист, в котором DartGlobal извещал о трансфере, отеле, назначенных переговорах. Официальная встреча с руководством компании назначена на завтра. Но Зимин собирался встретиться с «руководством» сегодня и неофициально. Им обязательно нужно поговорить. Он должен о многом спросить. И ему есть, о чем сказать. Михаил намеревался это сделать еще в тот день, когда так мило побеседовал с ее... кем? Впрочем, именно это как раз и не имело значения. Перестало иметь после всего, что немец ему сказал. После его угроз, попыток купить, гадких намеков. Сразу после этой бестолковой встречи Михаил отправился к Марии. В офисе ее не оказалось. Ему любезно сообщили, что она уехала.

Только бы удалось увидеть ее сегодня.

Все эти годы он пытался уверить себя, что она счастлива. Это было важнее того, каково ему. Но который день ему не давал покоя вопрос: если бы? Если бы она не сошла с лайнера. Если бы он поехал в Гамбург. Если бы...

Она говорила, что не сможет без него. Смогла же...

Где были воспоминания, а где сны?

Наш самолет произвел посадку в аэропорту города Гамбург...

Через несколько часов Михаил был в приемной президента DartGlobal.

— Я Михаил Зимин, — обратился он к секретарю. — Могу я увидеть госпожу д'Эстен?

Дверь в кабинет президента компании раскрылась, и на пороге вдруг показалась госпожа д'Эстен собственной персоной в сопровождении очередного неизвестного лощеного хлыща.

— Агна, будьте любезны, отмените мои встречи до конца дня. В случае если я потребуюсь, я на телефоне, — проговорила она, не глядя на секретаря, но уткнувшись в папку с документами, потом обернулась к хлыщу и добавила: — Дональд, как только что-то решится с продажей...

Замерла и посмотрела прямо на Зимина.

— Госпожа д'Эстен, не могли бы вы уделить мне несколько минут? — спросил он.

Мари медленно кивнула, снова обернулась к хлыщу и сказала:

— Дональд, еще раз спасибо. Я жду результатов.

— До свидания, Мари, — улыбнулся хлыщ и, смерив взглядом Зимина, вышел из приемной.

Свита Марии была бесчисленной. Как и положено наследнице значительного состояния. Размышлять о том, какое место в этой свите отведено ему, Зимин не стал. Не сейчас.

Мари сглотнула и, наконец, отважилась снова поднять взгляд на Михаила. Она знала, что он приезжает сегодня. Но встреча была запланирована только на следующий день.

Думать о том, что он делает здесь, Мари была не в состоянии. Надеюсь, что не выглядит слишком взволнованной, она только открыла дверь в свой кабинет и официальным тоном проговорила:

— Прошу вас, господин Зимин.

Он зашел за Марией в кабинет, плотно закрыл за собой дверь.

— Я не вовремя? Если так, я приду завтра в назначенное время. Но мне бы хотелось обсудить некоторые вопросы до завтрашней встречи.

Михаил подошел к девушке, крепко взял ее за плечи и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Как много значит для тебя Ральф?

— А какое это имеет значение? — Мари удивленно приподняла бровь, стараясь не обращать внимания на слабость в ногах — от его прикосновения, от его слов. — Кажется, в нашу последнюю встречу мы все выяснили. Если ты приехал за вторым актом, то его не будет. Я — не главная героиня драмы. Здесь скорее мелодрамой пахнет.

— Второго акта не будет, — Зимин еще крепче сжал ее плечи. — Маш, он столько лет рядом с тобой. Но... можно ли это изменить? Могу ли я это изменить?

Он вдруг понял, что может делать ей больно, и отпустил ее. А она, почувствовав, что стало холодно, устало опустилась на диванчик. Когда-то он позвал ее замуж спустя неделю после знакомства. А через пять лет, дождавшись ее очередного объяснения в любви, явился спросить о том, что уже не имело значения. Феноменальная последовательность. Мари, не глядя на него, тихо ответила:

— Он со мной... Но я ведь не с ним.

Зимин никогда не считал, что за женщин нужно бороться. Их не завоевывают, как крепости. Их делают счастливыми. Он не смог. Она не позволила, а он не настаивал. Лишь принял предложенные ему условия.

Михаил подошел к Марии, сел у ее ног и, прижавшись лицом к ее ладоням, глухо сказал:

— Прости меня, Маш. За все.

И она решилась. Решилась коснуться ладонью его волос. Пропустить их сквозь пальцы. И, зажмурившись, прошептала:

— Ну почему ты тогда за мной не приехал?

Михаил поднял голову и недоуменно посмотрел ей в глаза.

— Приехал? Ты сошла с лайнера для того, чтобы проверить, приеду ли я за тобой? Сообщила администратору, что номер свободен, отключила телефон...

Мари улыбнулась. Чтобы не расплакаться. В последнее время у нее вся жизнь на мокром месте, и это начинало раздражать. Знала, какой холодной вышла эта улыбка, но какая разница?

— Меня забрал отец. Он же отнял телефон. Я надеялась... что ты...

Не договорила, резко поднялась с дивана, потому что сил смотреть на него у своих ног у нее не было.

Зимин проводил ее тяжелым взглядом. Отец... выходит, никто на лайнере не знал, что сам герр Дарт был там. А, значит, все было совсем иначе. И все поздно. Он опоздал... всего-то на пять лет. Михаил усмехнулся и медленно поднялся.

— Я не знал, что твой отец был тогда там. Я считал, что это было твое решение. И я принял его, — он молча наблюдал за ней некоторое время и, наконец, выдохнул. — Ты так и не ответила. Могу я что-то изменить? Сейчас?

Мари вздрогнула и заставила себя снова посмотреть на него.

— Зачем? В Петербурге ты ничего не хотел менять.

— Я думал, что ты не свободна. Я надеялся, что ты счастлива. Я не хотел разрушать твою жизнь, — Михаил резким движением притянул ее к себе, запустил пальцы в ее волосы и наклонился близко к ее лицу, — потому что моя разрушена давно. И я никогда не пожелал бы тебе такой же.

Зимин прижался губами к ее губам короткими, быстрыми поцелуями. Он задыхался сам и не давал возможности вырваться ей.

— Я люблю тебя, Маша.

Она и не пыталась вырваться, покорно подставляя свои губы его поцелуям. Счастья она не чувствовала. Чувствовала горечь. Чувствовала ноющую боль где-то в груди. Ей, черт подери, было хуже, чем тогда, когда она уходила из его квартиры. И она не знала, почему.

— И куда теперь? — осведомилась Мари. — Ко мне? Или к тебе в гостиницу? Или прямо здесь, на диване?

Лучше бы она его ударила. Все было бы проще и понятнее. Он заглянул ей в глаза. Чужие глаза.

— Как скажете, госпожа д'Эстен.

— Тогда лучше в гостиницу, — ответила Мари, — не хочу завтра очутиться на страницах желтой прессы. А у моего дома кто-нибудь да дежурит.

Его бровь дернулась, выдав закипающую злость.

— Значит, поехали в гостиницу, — обманчиво спокойно ответил он на ее выпад, что далось непросто.

Через полчаса они уже были в его номере.

Все было иначе, чем пять лет назад. Тогда он был уверен, что они будут вместе всегда. Сегодня он был уверен, что больше никогда не будет ничего, кроме пустоты. Поэтому он должен за несколько часов, которыми владеет, успеть все: вспомнить, узнать заново, запомнить навсегда.

Михаил медленно, боясь пропустить самую маленькую родинку на дорогом, желанном теле, освобождал его от одежды, рассматривал, пробовал на вкус, едва касался кончиками пальцев. И снова удивлялся прохладе ее кожи, и снова восхищался красотой ее изгибов, и снова осознавал, что ничего это не значит. Потому что он не знает ее настоящую.

Прикрывал глаза, прогоняя наваждение. Пусть так, пусть только тело, пусть всего на одну ночь. И снова целовал, всю, по-прежнему неторопливо, не позволяя себе ничего большего, пока она сама не попросит.

И она просила. Оживая в его объятиях, становясь, наконец, собой, не понимая этого, страшась собственных желаний и собственного бессилия — перед ним. Все было иначе, чем пять лет назад. Но изменилась ли она? И прижимаясь к нему, она мучительно искала то, прежнее, совсем теперь позабытое чувство совершенного счастья.

«Ты — моя жена. Помни об этом». Что от того осталось? Что осталось от нее?

Все было неправильно. Но исправлять сил уже не было. Да и стоит ли.

«А, к черту все!» — подумал Зимин. Прижал Марию к себе, поцеловал ее в висок. И сказал по-русски:

— Между прочим, мы когда-то договорились, что ты моя жена, — он рассмеялся, — поэтому плевать мне на твою желтую прессу. Останешься здесь до утра.

Устроившись поудобнее и перехватив ее за талию, он умиротворенно заснул.

А она не выдержала. Знала, что однажды это случится. Почему бы не теперь? После его

слов, сказанных с тем, чтобы она не поняла, но понятых ею — будто украденных. Да, она не выдержала. Просто дала волю слезам. Он спал. А она лежала, придавленная тяжестью его такого родного тела, и плакала, чувствуя — наконец, чувствуя! — что ей все равно, что будет дальше... он любил ее.

— Почему ты меня не забрал? — шептала Мари. — Почему?

Зимин резко проснулся, почувствовав, что Маша пытается высвободиться. Он еще плотнее прижал ее к себе, уткнулся в ее спутанные волосы, заставил себя проснуться окончательно. Открыл глаза, долго рассматривал ее заострившиеся черты, припухшие губы, глаза, самые синие на свете. Она вся была близкая, теплая, вновь обретенная. И она думает, что он ее отпустит? Он не сделает этого после потерянных пяти лет, в чем сам немало виноват. И он тем более не сделает этого после сегодняшней ночи.

— Куда собралась? — спросил Михаил, улыбаясь.

План сбежать незамеченной провалился на корню. Собственно, наивно было полагать, что получится выбраться из-под него, не разбудив. Зачем сбежала, она сама не могла понять. Просто ей было страшно... Она боялась всего — его пробуждения, его взгляда, его слов... себя!

— На работу, — проговорила Мари, замороженная его улыбкой, — тебе, кстати, тоже... сегодня... надо...

— А давай опоздаем? — надо было приехать раньше. Гораздо раньше. — Маша... Маш... выходи за меня замуж.

Мари замерла. К горлу подкатил ком. Ответить согласием было невозможно. Если она в своем уме. После всего, что было. После всего, чего не было...

— Выйду, — выдохнула Мари, — но опаздывать все равно нельзя.

Он облегченно вздохнул и стал целовать ее лицо. «Нельзя, нельзя... все можно. Теперь все возможно!» Усмехнулся. Наверстать прошедшие годы трудно, но осуществимо. И прямо сейчас.

— Маш, нам юрист нужен.

— Разумеется, нужен, — перед глазами яркой вспышкой пронесли воспоминания. Отец с конвертом фотографий в руках. «Твой капитан прислал. Знаешь, что он хотел получить за эти фото?»

Мари тряхнула головой и вдруг почувствовала, что тонет — в его взгляде. Все том же, что и пять лет назад. Сглотнула. И медленно произнесла:

— Мы проконсультируемся с Дональдом относительно брачного контракта. Зимин удивленно приподнял брови и уставился на нее, не сразу сообразив, о чем она.

— Вот бред, — вырвалось по-русски, — относительно брачного контракта, как скажешь. Только сразу поставь в известность своего Дональда, что мне ничего от тебя не надо. Ну... кроме тебя самой. Но я хотел узнать, как мы в принципе можем пожениться. Наверняка ведь кучу бумаг собрать надо. Этот твой Дональд поможет?

«Твой капитан прислал. Знаешь, что он хотел получить за эти фото?».

Бред? Пусть бред. Нет, она никогда не спросит его про... то... Потому что это страшно — будто это действительно было, будто она не сожгла те фотографии в пепельнице. Она заставила себя улыбнуться и ответила:

— Он ведет дела моей семьи. Поверь, это очень хороший юрист, — она приподнялась на постели и откинула назад волосы, — мы можем договориться о встрече сегодня же. Если ты уверен.

— Что-то не так?

Она странно себя вела, говорила странные вещи. Отступить он не собирался, но он должен понять, что ее беспокоит.

— Я уверен. Я всегда знал, что моей женой будешь только ты. Ты сама не уверена? — Михаил замолчал. — Маш, я виноват перед тобой, я знаю... И я пойму, если ты... — произнести то, о чем он внезапно подумал, Зимин не решился.

— А мы похожи, — задумчиво сказала Мари, — тогда, на "Анастасии", я точно знала, что если и выйду замуж, то за тебя.

Она все-таки встала с постели и заявила:

— Мы опаздываем. У нас в десять встреча с... тобой.

— Ну, пошли на нашу встречу, раз ты так настаиваешь. И с Дональдом о встрече давай договоримся. Я не хочу больше терять ни дня.

Михаил поднялся и поцеловал Марию в щеку.

Она внимательно посмотрела на него. Ни дня... Что-то в ней, что мешало дышать, вдруг исчезло. И в эту самую минуту она поняла, что только что совершила самый сумасшедший поступок в жизни. Но он всегда заставлял ее сходить с ума. И только так она чувствовала, что живет.

— Я совсем не знаю тебя, — вырвалось у нее.

— Так в чем дело? Узнавай. У меня от тебя тайн нет, — как же не хотелось никуда идти. Он обнял Машу за талию, прижал к себе, заглянул ей в глаза. — Давай перенесем нашу встречу сюда? Проведем переговоры, обсудим, что захочешь. Что ты там еще собиралась сделать? — Зимин рассмеялся. — А потом позвонишь юристу, и пойдём к нему на встречу.

Его смех отдавался в ней странным волнением. Когда-то давно... Когда-то давно она умела смеяться вместе с ним. А теперь разучилась — вовсе.

— Я тебя люблю... — произнесла она негромко и... все-таки расплакалась, как пять лет назад, когда он пригласил ее войти в лифт.

Михаил бережно прижал ее голову к своему плечу, поцеловал в макушку, прислушиваясь к ее всхлипываниям. Ему показалось, что она снова стала прежней маленькой потерянной девчонкой, какой он увидел ее впервые. Вспомнил, как тогда не знал, что делать с ее слезами. А сейчас он готов был утешать всю жизнь. Зимин гладил ее плечи, спину. Прижимался губами к ее волосам. Потом негромко сказал:

— Маш, ну что ты? Я тоже тебя люблю. Разве это повод, чтобы плакать, ну? Глупая моя...

— Сам кретин, — буркнула Мари, вцепившись в его плечи так, будто боялась, что он отпустит ее. — Никогда не заставляй девушку ждать! Никогда! И это будет ужасный скандал, если мы явемся в офис вместе, на моей машине.

Глава 2.7 БалтТраст

Июль 2015 года

Маленькое черное платье, какое должно быть у всякой женщины. Ей казалось, что в нем она выглядит старше. Нитка жемчуга. Консервативно, но торжественно. Высокая прическа. Легкий макияж. Она в последний раз пробежалась глазами по своему виду в зеркале. Удовлетворительно.

Офис DartGlobal гудел подобно улью. Презентация нового круизного лайнера «Паруса», назначенная на 18:00, превратила все вокруг в один сплошной нерв. «Пир во время чумы» — так охарактеризовали это мероприятие на административном этаже — тайно, чтобы сотрудники среднего звена не знали. И только молодая владелица компании вела себя спокойно, сдержанно, как то и полагается аристократке. Время перед отбытием в порт она проводила в одиночестве, пытаясь осознать происходившее в последние сутки.

Номер один. Она выходит замуж за капитана Зимина. Как это произошло, она по-прежнему не понимала. Впрочем, того же она не понимала и пять лет назад. Когда речь заходила о нем, она переставала отдавать себе отчет в поступках. Единственное, чего она теперь боялась, так это того, что финал этой истории будет тем же, что и тогда.

Номер два. Он любит ее. Если она в чем-то и сомневалась, то точно не в этом. Может быть, какой-то странной, извращенной любовью, которая любовью кем-то не признается. Но не может человек так притворяться. Убеждать себя в том, что она обманывается, после всего сказанного и сделанного Мари уже не могла. Он любит ее. И любит так, что ему хватило силы воли признать свою вину перед ней.

Номер три. Она его простила. Единственное, в чем он был виноват пять лет назад, так это в том, что не смирился. И пытался мстить. Что ж, он наказал их обоих. Оба поплатились. Она — за малодушие. Он — за неверие. Но, может быть, теперь можно попробовать начать все сначала?

Мари когда-то хотела увидеть его капитаном на «Клелии». Теперь она увидит его капитаном на «Парусах».

Улыбнулась. После презентации «Паруса» покрасуются несколько дней в порту и на будущей неделе отправятся в Средиземноморье. Ей нужно будет слетать в Петербург для подписания договора с Шумовым, а после... После она присоединится к Ми-ше. В конце концов... у принцессы тоже может быть отпуск. По завершении первого круиза «Парусов» они поженятся. Так, как это должно было быть пять лет назад.

Последний штрих. Губная помада. Красная, хотя ей и не шло. Мари улыбнулась и направилась к выходу, когда дверь раскрылась, и на пороге появился капитан Зимин.

— Ты потрясающе выглядишь, — улыбнулся он.

Ей шло это платье, ей шла эта прическа. У Михаила возникло жуткое желание стащить с нее это платье, стереть яркую помаду с ее губ и растрепать эту совершенную прическу. Увезти бы ее куда-нибудь далеко. Надолго.

Теперь все хорошо. Так, как и должно быть. Как должно было быть еще пять лет назад. Правильно Маша сказала. Кретин. Чего стоило съездить к ней и узнать, какого черта она сошла с лайнера? Впрочем, это сегодня казалось таким простым решением. А пять лет назад он был уверен, что поступает правильно. Мария не позвонила, не оставила никакого сообщения хотя бы через администраторов. Все выглядело так, будто она просто сбежала.

Думать об этом Зимин больше не хотел. Все прожито и должно быть оставлено в прошлом. А теперь все хорошо. Он получил шанс начать все с начала. Новый лайнер, новая жизнь. И все это связано с Машей. Она простила. Она согласилась стать его женой.

— Спасибо, — Мари улыбнулась и подошла ближе, — что же, господин капитан, я надеюсь, вы готовы к подвигам и славе? Будет очень трудный вечер.

— Ради тебя — готов, — он притянул ее к себе и поцеловал в висок. — Хотя о славе точно никогда не мечтал.

Вечер действительно обещал быть трудным. Лайнер «Паруса» был построен по проекту компании Ральфа Ригера. А значит, он будет присутствовать на церемонии. Впрочем, этого Мари не знала наверняка и искренно надеялась, что он просто пришлет своих представителей.

Зимин не переставал удивляться тому, как она полностью отдавалась своей работе, думая о ней сутками. У него мелькнула мысль, что если и дальше так пойдет, то ревновать ему придется не к мужчинам, а к компании. Но и теперь он видел, что она откровенно нервничает.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил Зимин.

— Меня беспокоит. Меня очень беспокоит... — сказала Мари задумчиво и вернулась к столу, — я всегда волнуюсь в таких случаях. И ведь не в первый же раз. Пора привыкнуть.

Взяла со стола папку и тут же бросила обратно.

— Пойдем? Мы, как всегда, опаздываем.

— Пойдем, — Михаил открыл перед ней дверь. — И мы не опаздываем. Не переживай, будем вовремя. Откуда такое название у лайнера?

Ей было впору краснеть. Мари в замешательстве схватилась за клатч и направилась в приемную.

— Потому что... потому что я влюбленная идиотка, — пробормотала она.

И все-таки Михаил ни черта не понимал. И это начинало раздражать. Мария вела себя, как королева, даровавшая милость недостойному подданному. Сегодняшний вечер задумывался праздничным, и он не станет это портить. Но поговорить, похоже, придется. Сейчас для него все выглядело так, словно он хочет все исправить, она же лишь позволяет это делать. Этому ему мало.

— А я люблю эту влюбленную идиотку, — шепнул он Маше, когда она проходила мимо него, взял ее под руку и повел к машине.

На выходе из здания у нее неожиданно зазвонил телефон.

— Прости, пожалуйста, это Дональд, — пробормотала она, отпустив руку Зимина, и отошла в сторону.

Того, что говорил Дональд, она почти не поняла. Она просто стояла и слушала. Как болванчик, кивала и продолжала слушать. А когда Дональд резко крикнул: «Мари, ты слышишь? Мы ничего не сможем сделать» — ей захотелось расколошматить телефон об асфальт.

— Да, спасибо, я все поняла, — проговорила Мари и нажала отбой, так и оставшись стоять, глядя в одну точку.

Заметив, что Мари закончила разговор, Михаил подошел к ней.

— Что на этот раз?

— Мы опаздываем, — ровным голосом ответила Мари, — мы везде опоздали. Пять лет назад. Сейчас. Ральф увел у нас БалтТраст. Они подписали договор вчера.

По ее тону невозможно было понять, о чем она больше жалеет. И жалеет ли вообще.

— И что тебя беспокоит? То, что тебя обошли с БалтТрастом? Или то, что его купил именно Ральф?

Мари зло хохотнула и посмотрела прямо в его глаза.

— Он это сделал потому, что считает, что ты его обошел со мной. Мелкая месть. Тошно. И все зря...

— Месть? — Зимин удивленно посмотрел на Марию. — Разве месть может быть решением? Маш, не расстраивайся. Может, так даже лучше, а?

— Я не знаю, — голос звучал, как чужой, — у меня решения нет. Это была последняя надежда. И сил больше нет.

Ах, он же ничего не знает...

— DartGlobal на грани разорения. Сделка с БалтТрастом должна была нас спасти.

Он смотрел на нее, пытаясь понять, что именно она сейчас испытывает. Скрывать свои истинные чувства, видимо, ее самый главный талант.

— Скажи, пожалуйста, а тебе самой нужен твой DartGlobal? Это дань семейной традиции, или тебе нравится то, чем ты занимаешься?

— Помнишь, когда-то ты сказал, что море — это твоя жизнь? У меня тоже есть жизнь.

— Я спросил, нравится ли она тебе.

Нравится? К черту нравится!

— Ты, кажется, не вполне понимаешь, что произошло, — Мари откинула назад голову, чтобы лучше видеть его лицо, — все кончено. Но мы поедем на эту чертову презентацию и будем улыбаться, будто бы все в порядке. Ночью я планирую составлять новый антикризисный план... Это у меня прекрасно получается в компании с бутылкой рома. А утром я брошу все силы на то, чтобы найти выход. Потому что это моя жизнь. Все. Здесь нет «нравится» или «не нравится».

Михаил разозлился. Как легко она распорядилась собой, им, будущим.

— Хорошо, — ответил он спокойно, — мы поедем на презентацию. И будем улыбаться. Но потом мы поедем ко мне. И ночью ты будешь спать, причем совершенно в другой компании, чем рассчитываешь. Утром подумаем вместе. Поехали!

Она вдруг сдалась. Сил не было ни на что. Выдержать бы только этот вечер. Она подошла к Зимину и уткнулась лицом в его грудь, не отваживаясь руками оплести шею.

— Как же я устала, — выдохнула Мари.

Он обнял ее, прижал к себе. Поцеловал в макушку.

— Машка моя... — прошептал на ухо. — Поехали, потом будем отдыхать.

Потом были вспышки фотокамер. Улыбки посторонних людей, не понимавших ровно ничего в том, что в действительности происходит. Была ее речь, сказанная перед тем, как капитан перерезал ленточку у трапа. Был господин Ригер, торжественно поздравлявший руководство DartGlobal с запуском нового лайнера. И была ее рука в руке Зимина. Чего она уже не желала скрывать. В этот вечер Мария д'Эстен поставила окончательную точку. Приняла и свое поражение, и свою победу. Потому что победа была тоже — вопреки всему. И когда позднее к ним подошел Ральф, она уже не боялась. Сдержанное приветствие. И по-прежнему рука Зимина в ее руке.

— Это судно должно было называться «Алые паруса», — вдруг сказала она Мише, когда Ригер ушел прочь, — дурацкое название.

— Ты порой такой ребенок, Маш, — улыбнулся Зимин.

— Когда все закончится, поедем отсыпаться ко мне, — вдруг безапелляционным тоном заявила Мари, — журналисты видели достаточно, чтобы сделать выводы, но для полноты картины капитан может, в конце концов, поцеловать принцессу.

— Обязательно поедем. Но от игры на публику избавь. Я не стану плясать под дудку твоих журналистов. И мне наплевать, какие выводы они делают.

Мари улыбнулась одними губами и вместо ответа просто сильнее сжала его руку. С тем, чтобы вместе с ним подняться на борт «Парусов». В конце концов, это последняя презентация DartGlobal.

— Я люблю бывать здесь, когда устаю от всего, — Мари улыбалась и смотрела на небо. Балкон в ее комнате, на котором когда-то давно она спала, укрытая пледом, пережив самое большое разочарование жизни, был единственным местом, где она позволяла себе пореветь вдоволь, — ночевки в офисе на раздумья не наводят. Это был самый трудный год в моей жизни.

Не считая того года, когда она чуть не вышла замуж и самым сумасшедшим образом влюбилась в одного старпома. Мари снова улыбнулась и пригубила бокал с вином.

— Не знаю, мы сейчас празднуем, или я пью с горя?

Михаил сидел напротив Марии, слушал ее и тоже не понимал, что он, собственно, делает здесь. Празднует чужой праздник, потому что она так хочет. Наблюдает, как она пьет с горя, потому что она так хочет.

— Здесь очень уютно. Ты одна живешь в доме?

— Теперь уже да. Одна. После смерти папы. Я бы давно продала его к чертям, если бы не этот балкон, — Мари поставила бокал на столик и подняла вверх руки, вынимая из прически шпильки, тряхнула головой, и темные волосы рассыпались по плечам, — давно хотела уехать из Гамбурга. Теперь, видимо, с этим будет проще.

— И куда бы ты уехала, если бы этот балкон не удерживал тебя? — Зимин встал, подошел к Марии и поднял ее из плетеного кресла, в котором она сидела. Занял ее место и усадил Машу к себе на колени. — Так где то место, куда готова уехать госпожа д'Эстен?

Он поцеловал ее в висок, спустился губами вдоль скулы и шеи к тонкой ключице. И потянулся рукой к застежке платья, чувствуя, как она постепенно оттаивает под его руками и его губами.

— У меня дом во Франции... Но там я никогда не жила подолгу. Мне понравился твой город. Мне кажется, там можно стать счастливой.

Под его ладонями была ее кожа. Он улыбнулся:

— Мне тоже нравится мой город, хотя последнее время я не стремился в него возвращаться. Мне бы хотелось показать тебе множество интересных мест. И я очень хочу, чтобы ты была счастлива, — он вздохнул. — Знаешь, когда поженимся, давай уедем куда-нибудь, где немного людей.

— Есть такие места на свете? — Мари улыбнулась. — Мне казалось, что это — мой балкон. Все упирается в него. — Она уткнулась носом в воротник его рубашки, вдохнула его запах, сделавшийся в ту же минуту таким родным, — почему ты изменил свое решение? После Петербурга... почему ты решил... так?

— Потому что я понял, что больше не хочу тебя терять. Тогда, пять лет назад, ты сама ушла, ты так захотела. Я не считал возможным менять твое решение. Сейчас все иначе. И я был бы последним идиотом, если бы повторил свою ошибку снова.

— Сама ушла... — Мари подняла голову и посмотрела в его глаза, не чувствуя больше

горечи — только нежность, — ты помнишь будильник? В три вахта? Куда бы я ушла? И зачем?

Где-то внутри что-то дернулось, и Зимин глухо сказал:

— А я до сих пор не знаю, зачем. Ты просто вычеркнула меня из своей жизни.

Мари, не отрывая от него взгляда, медленно провела пальцем по его губам.

— Я не вычеркивала. Разве можно вычеркнуть... Ты прав, конечно, для тебя это так и выглядело. Но ведь теперь все хорошо? Мы ведь попытаемся, чтобы все было хорошо?

— Попробуем? Давай попробуем, — Михаил поцеловал ее в губы, все больше расстегивая застежку и стягивая платье с плеча. А она, отвечая на поцелуй, одну за другой расстегивала пуговицы его рубашки. Отстранилась на мгновение и прошептала:

— Странно. Я сегодня ужасно болтлива. Рухнуло дело моей жизни, но мне никогда не было так хорошо, как сейчас.

— Машка, все потом! — с трудом проговорил по-русски.

Он уже не понимал смысла слов, слышал лишь голос, в котором, наконец, жила его прежняя Маша, нежная и увлеченная.

Он чувствовал лишь ее тело, которым хотелось владеть снова и снова, заставляя его звучать вместе со своим.

И все стало неважным. Прошое, настоящее, будущее. Все можно было отпустить. Кроме нее. Той, которая всего за несколько дней определила смысл всей его жизни.

Михаил подхватил Марию на руки и унес ее в комнату.

Глава 2.8 Пять лет назад в Дувре

В комнате стоял полумрак. Из-за того, что были задвинуты шторы. Из-за того, что за окном шел дождь. Зимин потянулся и посмотрел на часы. Скоро десять. Вместо Маши на ее подушке обнаружил записку. Обещала скоро быть. И понесло же ее куда-то в такой ливень! Михаил улыбнулся. Бизнес-фрау.

Он поднялся, оделся и спустился вниз. Надо найти кухню. Очень хотелось кофе.

Оказалось не сложно. Оттуда доносились грохочущие звуки и чей-то низкий голос, выводящий нечто, напоминавшее пение. От плиты к столу ловко перемещалась высокая дородная дама в очках и в переднике. Руки ее были перепачканы мукой, а сама она, казалось, мало что замечала, кроме миксера в руках. Но это первое впечатление было обманчивым. Едва Зимин показался на пороге, дама, не глядя на него, проговорила:

— Мари велела вас накормить получше, но я пытаюсь сдержаться от того, чтобы не подсыпать вам крысиного яду в шарлотку, герр Зимин.

— И вам доброе утро, — пробормотал под нос по-русски опешивший герр Зимин. Но вслух любезно поздоровался, опасаясь участи Карлика Носа. — Я бы тогда, пожалуй, предпочел только кофе. Не хотелось бы, чтобы вы оказались обвиненной в умышленном убийстве. Могу сварить сам, — он подошел поближе, — чтобы вас не затруднять.

Дама удостоила его, наконец, холодным взглядом, однако не лишенным любопытства. Потом чуть заметно фыркнула и проговорила:

— Нет, я все же вас накормлю. И, боюсь, вашей смерти Мари мне не простит. Присаживайтесь. Вам покрепче или со сливками?

— Покрепче. Думаю, сейчас будет как раз кстати.

Зимин присел к столу. Странная домохозяйка стала накрывать завтрак. Знать бы еще, в чем он перед ней провинился? Решив, что это простая ревность преданной служанки своей хозяйке, Михаил отпил кофе. Он был очень горячий, очень крепкий и очень сладкий.

«Неужели все-таки подсыпала яд?» — усмехнулся Зимин.

— Не бойтесь, — будто прочитав его мысли, ответила почтенная немка, — сладкое полезно для мозгов. Если, конечно, у вас нет сахарного диабета.

— Смею вас заверить, я абсолютно здоров. Спасибо за кофе, очень вкусный.

Она повернулась к нему спиной, переливая тесто в форму и отправляя его в духовку. Потом вернулась к столу, убирая с него все до стерильности. Завершив эту сложную процедуру и избавившись от передника, она, наконец, соизволила снова заговорить с ним.

— Фройляйн Зутер! — объявила домохозяйка. — И да, я полагаю, вы уже догадались, что я не слишком одобряю выбор Мари.

От неожиданности он удивленно поднял брови и, осознав смысл ее слов, рискнул спросить:

— Вы вообще не видите достойной партии для Марии? Или не одобряете только меня?

— Я вообще не вижу достойной партии для Мари и вас не одобряю в особенности, — она поставила свою чашку на стол напротив Зимина и спокойно села на стул. — Пять лет назад вы превратили ее жизнь в кошмар. Не думаю, что этот раз завершится лучше. К сожалению, сказок не бывает.

Кое-что прояснилось для Михаила. То, что она в принципе не жалуется мужчин рядом с Марией, было объяснимо.

— Я согласен с вами, что сказок не бывает. Но стремиться все же надо к хорошему, вам не кажется? — он попытался начать мирные переговоры. Все остальные обвинения непосредственно в его адрес озадачили. Что она может знать? И от кого? Ей могла рассказать Маша, но...

— Что вы имеете в виду, говоря, что я превратил жизнь Марии в кошмар? — не сдержался Зимин.

Немка сделала глоток кофе и холодно окинула его взглядом из-под очков.

— Я полагаю, что если бы Мари считала нужным, то сама бы вам рассказала. Но это помимо прочего, не в ее характере, — глаза ее вдруг сверкнули, и она добавила: — Зато в моем. Господин Дарт настоял на ее досрочном окончании круиза. Их отношения всегда были довольно сложными. Мари согласилась, но поставила условие, что если вы приедете за ней, он не станет чинить препятствий вашим отношениям, — фройляйн поджала губы и с невозмутимым видом продолжила: — Вы, видимо, задержались немного. Она прождала вас несколько месяцев, хотя круиз давно был завершен. А когда стало очевидно, что вы не приедете, она решила угробить жизнь на эту чертову компанию.

Под взглядом возмущенной дамы Зимин чувствовал себя пятиклассником в кабинете директора. Он подумал о том, что Мари очень повезло. Рядом с ней преданный и искренне любящий ее человек. Требовать от нее объективности было бы наглостью. Михаилу показалось важным, чтобы именно эта женщина сменила гнев на милость.

— Фройляйн Зутер, вероятно, вы имеете основания полагать, что во всем произошедшем виноват лишь я один. Я, уверяю вас, не снимаю с себя вины. Но все, о чем вы только что сказали, было мне неизвестно.

— И вы очень правы, что не снимаете с себя вины! — безапелляционным тоном заявила фройляйн. — Позвольте вам напомнить, что вы старше. Но это не помешало вам воспользоваться ее неопытностью. И исчезнуть из ее жизни на пять лет. Я так и знала, что эта ее поездка в Россию ничем хорошим не закончится. Она приехала назад с тем же взглядом, что и тогда. Но только теперь она еще и курит!

«А вот это слишком!» — возмущенно подумал Зимин. Нет, не то, что Мари «теперь еще и курит». По словам экономки, он оказывался, мягко говоря, редкостной сволочью. Ничего себе, воспользовался...

— Видите ли, уважаемая фройляйн Зутер. Это не я, это она исчезла из моей жизни на пять лет, — Зимин не сдержался и повысил голос. — С чего вы все это взяли?

— Я знаю этого ребенка с четырех лет! — так же не сдержалась немка. — Я не хочу и не буду давать оценку тому, что произошло тогда между вами. Но когда ребенок плачет днями напролет, это всенепременно означает, что у него что-то болит!

— Дурдом какой-то! — буркнул Зимин по-русски, вскочил и стал ходить по кухне, пытаясь успокоиться. Терпение заканчивалось.

Узнать, что Маша плакала целыми днями, было больно. Но его уже несло.

— Ваш ребенок повел себя, как избалованная девчонка! Что ей мешало хотя бы раз позвонить и все объяснить? Про отца, про какие-то там условия... — Михаил заставил себя замолчать.

— Мари кто угодно, но не избалованная девчонка! — взвизгнула почтенная дама. — И как бы она вам позвонила, если господин Дарт отнял у нее телефон? Вы полагаете в том своем ненормальном состоянии, именуемом влюбленностью, девятнадцатилетняя девушка способна запомнить сложную комбинацию цифр?

— Бросьте! Ее что, заточили в башню без окон и дверей? Есть сотня возможностей узнать то, что тебя интересует. Было бы желание! — он перевел дыхание, подошел к столу, оперся на него и посмотрел прямо в глаза экономки. — Я видел, как она гробит свою жизнь на компанию, — он зло усмехнулся. — Она выглядела более чем живой рядом со своим Ральфом.

— О, так вы и о нем осведомлены! — издевательским тоном протянула фройляйн Зутер. — Я тоже считаю, что она могла найти кого-нибудь получше. Но у него есть свои достоинства. К примеру, в отличие от вас, он бывает крайне настойчив.

— Не каждая птица поет в клетке, — негромко сказал Зимин.

Фройляйн фыркнула, но взгляда не отвела.

— Он каждый день бывал у нас в течение целого года после того, как вы с ней... расстались. В ее следующий день рождения он сделал ей предложение. Она отказала. И, разумеется, я вам этого не говорила.

Зимин оттолкнулся от стола и снова стал мерить шагами кухню. Опять остановился, теперь уже на расстоянии от экономки. Он все еще злился. Он все еще не мог понять, что происходит, и из чьей милости он живет в этом доме. Он все еще не слышал главного: Мари дала согласие быть его женой. Не раздумывая. Без сожалений ли? Потому что помнил, ярко и живо, совсем другое.

— У Мари насыщенная жизнь, — он мрачно смотрел на фройляйн Зутер. — Она бежит из-под венца, развлекается с безвестным капитаном у черта на куличках и отказывается стать женой добропорядочного бизнесмена. Я должен радоваться, что в этом списке оказываюсь удачливым замыкающим. Или нет?

Фройляйн непонимающе уставилась на Михаила и некоторое время молчала. Потом громко хохотнула, но и этот всплеск веселья закончился в одно мгновение. Она прищурилась, будто даже сквозь линзы очков плохо видела, и проговорила абсолютно серьезно:

— Первый и третий пункт вашего обвинения можно объединить в один. Это от Ральфа Ригера она сбежала пять лет назад.

— Так же, как второй и четвертый, — пробормотал удивленный Зимин и рывкнул: — Бред какой-то!

Это была заключительная вспышка его гнева. Он подошел к столу, сел и долго смотрел в свою полупустую чашку.

— Согласна. Бред, — через некоторое время проговорила экономка, тоже раздумывающая над чем-то. — Свидетельницей этого бреда я являюсь последние пять лет, и он меня совсем не радует. Так с чего бы мне относиться с симпатией хоть к одному из вас? Ни вы, ни Ригер счастливой ее не сделали.

— Я хотел жениться на ней пять лет назад. Она не позволила. То же я собираюсь сделать и теперь. И она согласилась.

Он потер лоб, будто это могло развеять дурацкие мысли. Она не пошла замуж за Ральфа, когда тот настаивал. Не пошла. И будет его, Зимина, женой. Теперь обязательно!

— Вот как? Тогда объясните мне, пожалуйста, зачем? После всего, что вы сейчас сказали — зачем вам это нужно?

— Также станете предлагать деньги, чтобы я отступился? Это такая национальная традиция?

— Боюсь, господин капитан, я все же зарабатываю несколько меньше вас, чтобы что-то

вам предлагать, — немка нахмурилась. — Все, что я могу, это надеяться, что чудо все-таки произойдет. В противном случае Мари точно доведет себя до сумасшедшего дома. Она бывает очень упорна. В прошлый раз господин Дарт всерьез задумывался об обращении к психологам.

Зимин мрачно посмотрел на женщину.

— Простите меня, фройляйн Зутер. Я не должен был срывать на вас. Но я не знаю, что в действительности произошло пять лет назад. И, откровенно говоря, не до конца понимаю, что происходит теперь. Мне все время кажется, что Мария что-то не договаривает. Но могу верить вас, что я люблю ее. И для меня важно, чтобы она была счастлива.

— Это у вас обоих не любовь. Это у вас обоих болезнь. А то, что Мари скрытна — так это не без вашего участия. Вы слышите этот кошмарный запах?

Что-то горело. Вероятно то, что было в духовке. Кажется, Михаил совершил еще один грех. Он определенно сбился, который по счету.

— Скажите, у меня есть хотя бы небольшой шанс завоевать ваше расположение?

Фройляйн Зутер недоуменно уставилась на него:

— А зачем вам мое расположение? Добивайтесь расположения Мари, если вдруг и правда... любовь.

После этого она проследовала к духовке и выключила ее.

— Надеюсь, вы любите овсянку? — мимоходом бросила она. — Раз уж с десертом не сложилось.

— Люблю. Но сегодня от нее откажусь. Спасибо за кофе, — Зимин поднялся, аккуратно придвинул на место стул. — Приятно было познакомиться, фройляйн Зутер.

Он слегка кивнул и вышел из кухни.

Немка пожалала плечами и проворчала:

— Болван! Еще и обиделся!

Ливень. Мари любила ливни. Любила протягивать ладони дождю и чувствовать, как капли бьются о кожу. Так и теперь, по-детски высунула руку из окна автомобиля и смотрела, как с неба падает вода. Холодное лето. Холодное, а внутри нее поселилась тысяча солнечных зайчиков. Вот так. Всего-то за два дня, во время которых она успела понять, что все в ней живо — и ее память, и ее любовь. Восхитительно холодное лето.

Она ехала в офис Дональда не потому, что ей это было нужно, как прежде, а вопреки тому, что все это вдруг сделалось ненужным. Она потеряет DartGlobal. И от этой мысли становилось легче дышать. Со вчерашнего вечера. Потому что тогда, когда Миша проговорил по-русски такое простое «Машка, все потом», она вдруг решила — поверить. По-настоящему, до конца. Безо всяких оговорок и сомнений. Все остальное было не в счет.

— Ну, наконец-то! — буркнул Дональд, едва она вошла в офис.

— Зачем было поднимать меня в такую рань? — Мари отряхнула мокрые волосы. — Компанию это уже не спасет. Я все решила. Избавляемся от активов, за их счет гасим долги перед банками, рассчитываемся с акционерами, ликвидируем юридическое лицо и становимся свободны. Каков план?

— Потрясающий. Кофе будешь?

— Нет, спасибо, я спешу.

Дональд озадаченно посмотрел на нее и тихо сказал:

— Боюсь, что поговорить нам все же придется. Серьезно и долго.

— Я не готова к длинным разговорам, потому лучше все-таки серьезно, но коротко. Что

там у тебя?

— Как скажешь, — Дональд подошел к своему столу и взял папку. — Вот здесь то, о чем ты просила после пожара. Все, что мы могли, мы сделали.

Она замерла и перевела взгляд на адвоката.

— Результаты?

— Ральф Ригер.

Мари вздрогнула. В глазах ее было неверие — да и как можно было в это поверить?

Покупка БалтТраста — это одно. Но «Клелия»...

«Я мечтаю увидеть «Клелию» и тебя капитаном на ней».

Может быть, все просто?

Мари побелевшими губами прошептала:

— Но... зачем?

— Не спрашивай, пожалуйста, — отмахнулся Дональд. Конечно, «зачем» — ей и самой слишком хорошо известно, к чему углубляться? Он вручил ей папку. — Хватит, чтобы размазать его по стенке. Мы можем пустить это в ход в любой момент, как только скажешь.

Проблема была в том, что Мари не была уверена в том, что готова «пустить это в ход».

— Есть еще кое-что, о чем ты должна знать, — вдруг добавил Дональд. Сказал так, будто с обрыва шагнул в пропасть.

— Ты полагаешь, этого недостаточно?

— Полагаю, что в свете того, кто сопровождал тебя на презентации нового лайнера, это окажется важнее пожара. Относительно... пакета фотографий из Дувра.

Мари сглотнула и медленно кивнула.

— Хорошо, я слушаю.

— И все-таки кофе... с коньяком, давай?

Она любила ливни. Да, она любила. Промокла до нитки и продолжала любить. Крыльцо чужого офиса. Знакомая много лет улица. Рыдания, замершие в груди — если она и промокла, то не от слез. Вдох — выдох.

Потом такси. Бесконечная дорога по городу. Чуть не поскользнулась на тротуарной плитке. Туфли дурацкие. Каблуки. Никаких больше каблуков. Потом лестница. Комната. Балкон. Миша.

— Я тебя люблю, — голос был охрипшим, будто она простудилась.

Он улыбнулся, услышав ее признание, и поднялся к ней. Притянул к себе. Поцеловал.

— Я тоже тебя люблю. Чего тебе дома не сидится в такую погоду? Не хватало еще, чтобы ты простудилась.

«Домомучительница живьем съест», — весело подумал он.

После милой беседы с милой фройляйн Зутер Михаилу безумно хотелось коньяка. Просить у экономки не стал. Наверняка, за это он будет сразу отправлен на костер.

Побродив по дому, он обнаружил кабинет, в котором оказался небольшой бар. Плеснув в бокал ароматный напиток, Зимин залпом выпил. За окном по-прежнему хлестал дождь. Прихватив в кабинете какую-то первую попавшуюся книгу, он пошел на любимый балкон госпожи д'Эстен. Расположившись в кресле, приготовился читать.

Влетевшая Маша была смешной и трогательной: мокрая, растрепанная, охрипшая.

— Не понимаешь? — спросила она. — Я тебя совсем-совсем люблю.

— Чего ж непонятного? Ты меня совсем-совсем любишь. Что случилось?

Мари моргнула и вдруг, сама того от себя не ожидая, бросилась ему на шею. Отчаянно

колотившееся сердце мешало дышать.

— Прости меня, пожалуйста, — прошептала она ему на ухо.

Михаил озадаченно прижал ее к себе.

— Маш, все в порядке? За что я должен тебя прощать?

— Я тебе не верила. Все это время я не верила тебе ни минуты. Любила и не верила. Хотела верить — и не могла. Потому что... Я думала, что...

Мари медленно отстранилась и тихо проговорила:

— Нам нужно зайти в комнату, я очень замерзла. Там поговорим.

— Давай поговорим, — Михаил перестал улыбаться и прошел в комнату.

Настроение Марии и разговор с фройляйн Зутер на кухне заставили подумать, что ничего хорошего его не ждет.

Она села в кресло, тяжело вздохнула и сказала:

— Я была у Дональда. Рассчитывала обсудить продажу компании. Обсуждение вышло... занимательным. Скажи, пожалуйста, ты помнишь тот день в Дувре? Почта, пляж, замок?

— Да, — коротко кивнул Михаил. Он встал напротив нее, сложив руки на груди, и ждал продолжения. Вряд ли без ее помощи он сможет понять, как связаны продажа компании и день, который они провели в Дувре.

Мари опустила глаза и сцепила пальцы — те дрожали. Опять. Почему-то они дрожали только в его присутствии.

— Через два месяца после окончания рейса отец принес мне конверт с фотографиями. На этих фотографиях были мы с тобой в тот день. Там было все или почти все. Он сказал, что ты шантажировал его этими фото, собираясь придать их огласке. У нас и так был скандал на скандале — после моего побега со свадьбы. А эта история... едва ли закрепила бы за мной хорошую репутацию.

Мари резко подняла голову и посмотрела на Зимина.

Репутацию? Все, что ее волновало — репутация? Так волновало, что она даже не попыталась хоть немного подумать.

В один шаг он приблизился к ней вплотную и оперся руками на спинку кресла, нависнув над ней.

— Как ты могла поверить в подобную чушь? — негромко, сдерживая себя, спросил Михаил. — Где бы я, по-твоему, стал искать фотографа в Дувре? И с какой целью мне это делать, если тогда я даже не догадывался, кто ты такая? Маша! Вспомни! Ты сама пришла ко мне, позвала в город. Мы были вместе все время. С самого утра. Scheie!

Он оттолкнулся от кресла и отошел от нее.

Мари коротко кивнула. Он был прав. Она же вела себя, как идиотка, все это чертово время.

— Я знаю! — голос хриплый — неужели все-таки простудилась? — Я виновата. Но тогда все это казалось правдоподобным. Два месяца мне внушали, что тебя интересовало мое состояние. Я запуталась. Впрочем, меня всегда было легко запутать, ты же помнишь обстоятельства нашего знакомства. Это меня не оправдывает. Но факт остается фактом. Я считала, что эти фото были сделаны по твоему заказу. Пять лет я думала, что ты меня предал. И пыталась с этим жить.

Михаил не смотрел на нее.

— Конечно, именно твое состояние меня и интересовало! Когда я носился с твоим дурацким шлейфом, в «Каперне», в Дувре. Ладно, черт с ним... — он резко обернулся к

Марии и пристально посмотрел на нее. — Но почему ты продолжала молчать? И при этом согласилась выйти за меня замуж. Ты собиралась жить с такими мыслями рядом со мной? Как?

— В Кронштадте ты меня поцеловал. Мне, как всегда, напрочь отшибло мозги. Если помнишь, это я напросилась в твою квартиру. И это я пыталась с тобой объяснить. А когда... когда ты отправил меня в гостиницу... я засомневалась в здравости своего рассудка — все выглядело так, будто этот проклятый конверт я придумала. Я решила считать, что ты попытался мне отомстить за то, что я уехала. Так было проще.

Куда уж проще. Михаил хмуро смотрел на нее. Все-таки королева, даровавшая себя предателю и мстителю.

— Ты замерзла, — сказал он, наконец, после долгого молчания. — Тебе не мешает горячая ванна. А я попрошу фройляйн Зутер заварить тебе чаю.

— Я не хочу чаю, — пробормотала Мари, а потом резко воскликнула: — Господи, да как же ты не поймешь! Я... мне было страшно! До вчерашнего вечера, мне было страшно. Так страшно, что ты представить себе не можешь. И я ничего не могла с собой поделать — я люблю тебя больше всего на свете. С того самого момента, как увидела тебя на «Анастасии». И вчера будто бы все вернулось, понимаешь? Ты все вернул.

Михаил смотрел на Марию. Он не мог злиться на нее, не хотел упускать шанс, который им выпал, позволив старым обидам воскреснуть. Иначе он точно будет кретином.

— Маш! — Зимин подошел к ней. Сел на подлокотник кресла и прижал ее к себе. — Глупая ты. Чего ты боялась? Сказала бы еще в Петербурге: «Гад ты, Зимин!» Все бы и выяснили, — он поцеловал ее в макушку. — Может, все-таки ванная и чай? Еще заболеешь... Возись потом с тобой, — улыбнулся Михаил.

В его руках она успокаивалась. На предложение идти в ванную она только отмахнулась и сбивчиво продолжила:

— Если бы я заговорила об этом тогда, это бы значило, что все действительно было. Я предпочитала не помнить. И после прошлой ночи поняла, что мне, в сущности, все равно. А утром Дональд мне все рассказал. Ральф тогда через него организовал слежку, потому что беспокоился обо мне. А потом воспользовался этими фото, чтобы я... разочаровалась.

— Забыть легче, я знаю. Но мы оба виноваты в том, что все произошло именно так. Только как теперь жениться на тебе, — он усмехнулся, — чтобы ты не обвинила меня в очередной погоне за приданым?

— А ты гоняешься за приданым? — Мари зажмурилась, прижавшись к нему. — Тогда тебе лучше поискать другую невесту. Мои позиции в рейтинге богатых невест резко пошатнулись.

— Нет, другая мне точно не нужна, — Михаил вздохнул. — Придется смириться с тем, что ты теперь небогатая невеста.

— Нет, ну совсем в нищенки меня записывать рано, конечно, — проворковала она и тут же безо всякого перехода сообщила: — Это по приказу Ральфа устроили пожар на «Клелии». Зимин удивленно взглянул на нее.

— Зачем?

— Видимо, его тоже не устраивало, что я много работаю.

— Давай поищем другие варианты избавить тебя от работы, — Михаил склонился к Марии и поцеловал ее в губы.

Мари обвила руками его плечи, отвечая на поцелуй. А потом отстранилась и

прошептала:

— И все-таки... зачем ты поцеловал меня в Кронштадте?

— Захотелось. Мне очень сильно захотелось тебя поцеловать.

— Странно! Это после того, что я устроила на ролкере? — Мари хихикнула и заглянула в его глаза. — А замучила я тебя тогда, да?

— На ролкере ты сама себя замучила, — усмехнулся он и добавил по-русски: — И устроила настоящий цирк.

— Из тебя плохой клоун, — так же по-русски ответила Мари и сама испугалась.

Михаил открыл было рот, но тут же его закрыл. В голове вихрем промчался набор красочных слов. Он попытался облечь все пришедшее в голову в культурную форму. Сложная словесная конструкция превратилась в одно-единственное слово.

— Круто... — пробормотал Зимин.

— Я объясню, — пискнула Мари и тут же замолчала. Вместо слов она потянулась к его лицу и поцеловала в щеку.

— Подслушивать нехорошо, госпожа д'Эстен, — рассмеялся он.

— Если бы я не подслушивала, господин Зимин, мы бы еще пять лет с вами друг от друга бегали, — сказала она.

— Бегала преимущественно ты.

Он был прав. Можно сколько угодно искать оправдания, но он был прав. Потому она просто сказала:

— Первое, что я сделала, когда меня выпустили из-под домашнего ареста, это записалась на курсы русского языка. Не думала, что это мне так пригодится. Слушай, зачем ты меня обнимаешь, ты теперь тоже мокрый!

— С тобой я готов разделить любые неудобства, — улыбнулся Михаил.

Она смотрела на его улыбку, чувствуя, как от счастья сжимается сердце. Впервые за пять лет все стало... просто.

— Давай не будем беспокоить фройляйн Зутер. Если честно, я надеюсь, что она уже ушла к себе... А чай заварить я и сама в состоянии. Представь себе, я не только русский выучила. Пойдем в душ.

— Нет, только ванна. Горячая. И не вздумай со мной спорить!

Михаил взял ее за руку и потянул за собой.

Но, по правде сказать, Мари точно не собиралась спорить. Планы на ближайший час оформились в совершенно определенную идею, и, на ходу дергая застежку на джинсах, она сказала:

— У меня там только один халат. И гель для душа — ванильный.

— Если ты думаешь, что меня это остановит, то ты очень сильно ошибаешься, — хохотнул Зимин, стягивая с себя футболку.

— Я рассчитывала на то, что не остановит, — ответила она в тон, открывая кран, а потом обернулась к нему и просто произнесла: — Мне никогда в жизни не было так хорошо. Даже пять лет назад. Правда.

Михаил прижал ее к себе, приподнял над полом, стал целовать ее лицо, губы. С каждым поцелуем все сильнее и дольше. Отвлекся на минуту и прошептал:

— Я люблю тебя и сделаю все, чтобы тебе всегда было хорошо.

— В таком случае, можешь начинать прямо сейчас, — сказала и покраснела, а руки уже искали ремень его брюк.

Эпилог первый

Июль 2015 года

Гамбург

— Как она? — Ральф стряхнул пепел в пепельницу и посмотрел куда-то мимо Дональда.

— Через два дня выходит замуж, — усмехнулся Дональд, бросив на стол зажигалку и затягиваясь сигаретой.

— Стало быть, все?

— Согласись, это, во всяком случае, закономерно.

В ресторане негромко играла музыка, а в полумраке казалось, что все прочие люди за столиками не существуют — просто тени. Ральф опрокинул рюмку коньяка и устало посмотрел на часы. Впрочем, он никуда не торопился, откровенно собираясь выпить.

— Значит, зря... — проговорил он.

— Конечно, зря, — отозвался Дональд, — все, что мы с тобой затеяли пять лет назад — зря. И, благодаря тебе, все эти пять лет я чувствовал себя настоящим ублюдком. Ты лучше скажи, какого хрена БалтТраст у нее увел.

— Ублюдок так ублюдок. Мы с тобой вместе в этом увязли. И БалтТраст — потому что ублюдок. И все остальное — потому что ублюдок. Умный ублюдок.

— Супер. Типа отмазался?

— А, думаешь, нет? Никто. Никогда. Ничего. Не докажет.

— Ок, — процедил сквозь зубы Дональд. — После того, что ты сделал с «Клелией», ты понимаешь, что тебе светит.

— Откуда знаешь? — бровь дернулась.

— Полагаешь, так трудно догадаться? Все один к одному. Вывод из состава акционеров Зиммера вместе с его долей. Падение цен на акции. Проблемы с кредиторами. Пожар на «Клелии». Покупка БалтТраста. Ты считаешь меня полным идиотом? Мы вместе сколько лет проработали, я знаю твои методы.

— Знаешь — молодец, — кивнул Ригер и опустошил следующую рюмку. — Пуаро гребанный.

— Ответь мне на один вопрос — зачем все это было?

— Потому что я ее любил. Иногда и ублюдки влюбляются. А она не видела ничего, кроме своей компании. Что теперь? Побежишь ей рассказывать?

— Так ведь и она — не дура.

— Правильно, — кривая усмешка исказила его черты. — Она не дура. Она сука.

Сказал и через мгновение получил резкий удар прямо по лицу и разбитый нос.

— Я ведь просил следить за словами, проговорил Зимин.

Он сидел за соседним столиком, спиной к Ральфу. От Дональда узнал о предстоящей встрече и настоял на том, чтобы присутствовать в ресторане. Начало разговора почти не слышал. Но чем больше Ральф накачивался коньяком, тем громче говорил. Теперь даже прислушиваться было не нужно. Нужно было лишь сдерживать себя, чтобы не вмешаться в разговор. Но слова Какеготам? сказанные о Марии, стали последней каплей.

— В яблочко, герр Зимин, — заржал Дональд, глядя, как Ральф выбирается из-под стола.

Однако выражение окровавленного лица Ригера не обещало ничего хорошего.

— Какого дьявола? — прорычал он, взял со стола салфетку и прижал к носу, из которого на белоснежный воротник капала кровь. — Давно с охраной не общался? Могу устроить. И заодно с полицией!

— В таком случае, — с улыбкой ответил Дональд, — у него уже есть адвокат.

— Ну, раз у меня уже есть адвокат... — Зимин с чувством удовлетворения нанес Ральфу еще один удар в челюсть.

— Arsch, — выдохнул Ригер, второй раз очутившись на полу.

Михаил присел за стол рядом с Дональдом, налил себе коньяка, выпил и стал смотреть, как немец медленно поднимается с пола.

Наконец, тот встал, придвинул стул от соседнего столика и сел. Плеснул коньяку и себе. Влил в горло и спросил:

— Зачем пришел?

— Именно за этим, набить тебе морду. И этого еще мало за все, что ты сделал Марии. Но, думаю, о дальнейшем позаботиться Дональд.

— Дональд позаботится, — подтвердил с улыбкой адвокат и взял со стола зажигалку. — Обожаю гаджеты. Будет что послушать на ночь.

— Джеймс Бонд хренов, — процедил сквозь зубы Ральф.

— Значит, решено, — Зимин поднялся, обменялся с Дональдом рукопожатием и повернулся к выходу.

— Давно хотел тебя спросить, — крикнул ему в спину Ральф, — пять лет назад — ты был у этой суки первым? Или и тебе не повезло?

Зимин медленно развернулся, прищурившись, посмотрел на Ригера и нанес ему третий удар. Посмотрел на кулак, все-таки костяшки ссадил. Надо будет придумать, что сказать Маше. О том, что здесь произошло, ей знать не стоит.

Кивнул Дональду и пошел прочь из ресторана.

— Это сильно, Ригер, — проговорил Дональд, глядя, как старый друг в очередной раз пытается подняться, — правда, сильно.

Подошел, протянул руку, чтобы помочь тому встать. А едва Ральф оказался на ногах, Дональд со всего размаху всадил ему последний удар. И, бросив на столик несколько банкнот, направился к выходу. Чуть задержался возле охранников, подмигнул и добавил:

— За экшн не благодарите. Спасибо, что дали порезвиться.

Эпилог второй

Сентябрь 2015 года

Гамбург и Средиземноморье

Пирог сгорел. Видимо, в знак протеста. Запах распространился по всему дому. Фройляйн Зутер вошла в кабинет и развела руками:

— Шарлотка отменяется!

— В который раз, — пробубнила Мари под нос, набирая Мишин номер.

— Так что насчет овсянки? — осведомилась фройляйн, стаскивая передник.

— Нет, спасибо, — отмахнулась Мари, вслушиваясь в гудки на другом конце Европы.

Телефон разрывался. Бросив взгляд на экран, Михаил мысленно послал стоящего перед ним идиота крайне далеко. Однако прервать разбор полетов сейчас он не мог. Если пустить на самотек, домой они могут не вернуться. Откуда только этот... му... идиот взялся на его голову.

Потратив на него еще полчаса, Зимин схватил трубку и набрал номер.

— Еще и трубку не берет, — продолжала зудеть фройляйн Зутер на кухне, все-таки умудрившись накормить Мари овсянкой, — это, конечно, исключительно ваше дело, но на твоём месте я бы так не спешила. — Мы пять лет знакомы. О какой спешке ты говоришь? — уныло ответила Мари. — Все решено, я переезжаю.

— И что ты там будешь делать? — фройляйн Зутер придвинула к ней чашку.

— То же, что и здесь, — отмахнулась Мари, глядя куда-то пониже стола.

Фройляйн обошла вокруг, недовольно крякнула и изъела папку с документами, лежавшую у Мари на коленях.

— Хотя бы поешь нормально!

Мари открыла, было, рот, чтобы что-то ответить, но тут у нее зазвонил телефон.

— Алло, Миша! — воскликнула она, разулыбавшись.

— Привет, Машка моя! Прости, не мог ответить. Что у тебя нового? Ты когда приедешь?

— Ну, ты же в плавании. Я раньше ноября не вырвусь, сгрызут, ты же знаешь!

Фройляйн громыхнула кастрюлей и во всеуслышание объявила:

— Герр Зимин в морях, фрау Зимина в офисе ночует. Фройляйн Зутер в восхищении!

Нет, я определенно уеду к сестре, в Берлин. Она мне там семью подыскала.

— Я в октябре буду уже дома. А до ноября еще так долго. Маш, я соскучился. Жутко соскучился.

Зимин улыбался. От того, что говорил с Марией. И от того, что хорошо слышал ворчание фройляйн Зутер. Милейшая женщина! Он был уверен, что она нарочно старается говорить как можно громче.

— Я приеду, как только закончу дела. Так и не решила, выставлять ли на продажу дом в Гамбурге. Еще и фройляйн Зутер решила уволиться.

— Уволиться? — брови почтенной дамы поползли вверх. — Да это вы меня... выживаете!

— Потому мне просто не на кого его оставить, — не дрогнувшим голосом продолжала Мари.

Михаил рассмеялся.

— Каким это образом ты выживаешь нашу дорогую фройляйн? Отказываешься есть?

— Нет. Я честно позавтракала. Овсянка, кофе. Занюхала сгоревшей шарлоткой. Где ты сейчас?

— О шарлотке могла бы и не рассказывать, — проворчала фройляйн Зутер, — герр Зимин и так считает, что я не умею готовить.

— Через три часа будем в Каннах.

«Если, конечно, один... неумный человек не доведет свою диверсионную деятельность до победного конца», — подумал Зимин, но вслух сказал о другом:

— Передай фройляйн Зутер, что она великолепно готовит. А, кстати, почему у нее всегда сгорает именно шарлотка?

— Не спрашивай. Так было всю жизнь. Миш, — она перешла на русский и понизила голос до шепота, — я тебя люблю.

— Началось! — возопила фройляйн Зутер. — Да не уеду я никуда! Не шантажируйте!

— Я тоже тебя люблю, — ласково сказал Михаил. — Маш, мы через два дня будем в Риме. Если бы ты прилетела...

— В Рим? Искушаешь? — Мари заметно покраснела, но по телефону этого не было видно. — Ну... ты же знаешь... Миш, я попробую, но не обещаю.

— Да поезжай! Сколько можно! Пусть Дональд поработает! — рассерженно заявила фройляйн Зутер.

— Послушай мудрую женщину! Пусть Дональд поработает. Я буду ждать, очень.

Мари улыбнулась и встала со стула. Фройляйн Зутер нахмурилась и села на стул.

— Я... попробую! — упрямо проговорила Мари. — Я очень-очень попробую.

— Ты же попробуешь и приедешь? — Михаил улыбался, наверное, глупой, но счастливой улыбкой.

Фройляйн Зутер фыркнула и удалилась, бросив на стол папку, изъятую у Мари. А Мари, не видя ничего вокруг, выдохнула:

— Приеду. Значит, в Риме через два дня?

— В Риме через два дня.

Эпилог третий

Октябрь 2015 года

Санкт-Петербург

Мари поежилась от холода и приподняла воротник. Пронизывающий ветер так и норовил пробраться под пальто, но она не сдавалась — упрямо катила чемодан от аэропорта к стоянке такси. Эту дорогу она мысленно проходила сотни раз. Только теперь — по-настоящему. Ее никто не встречал, но она едва-едва подавила улыбку от одной мысли о том, что, наконец, избавилась от всех прежних обязательств.

Поездка по вечернему городу в час пик, пробки и, в конце концов, дождь. Если бы она могла хоть как-то заставить ехать автомобиль быстрее, уже бы заставила. Если бы можно было ускорить ход времени — уже бы ускорила. Она отвыкла мириться с обстоятельствами. Однажды такое смирение ей очень дорого обошлось.

И вот она на другом конце города, стоит у подъезда и смотрит вверх, на окна. Пожалуй, ей ни за что не угадать, которое окно — его. Из подъезда кто-то вышел, и она, недолго думая, прошмыгнула внутрь. Лифт. Тринадцатый этаж.

Мари подошла к двери и уверенно нажала на звонок, пытаясь не обращать внимания на бешено колотящееся сердце.

«Отпуск — это, оказывается, не так уж и плохо», — думал Михаил, ставя на плиту джезvu. Особенно когда знаешь, что через неделю приедет жена.

Он подошел к окну. На стекло попадали редкие капли дождя. Еще несколько дней назад он был там, где лето.

Зимин по-прежнему ходил на «Парусах». Маша категорически отказалась их продавать. А в Петербурге осень, настоящая северная осень: пасмурная, ветреная, промозглая. Синоптики радостно обещают снег. Сбежавший кофе зло зашипел. Зимин усмехнулся. Все сегодня складывалось странно.

Полдня он звонил Маше. Она не отвечала. Михаил не переживал, но беспокоился. Машка по привычке нередко могла работать сутками. А ему полдня названивала сестра, упорно желая затащить его в гости. Он так же упорно отказывался, придумывая все новые и новые предлоги. Но от Туськи избавиться было практически невозможно. И он пошел на крайние меры — отключил телефон.

Налив кофе, Михаил взял чашку и пошел в комнату. Сегодня играет «Зенит». До начала матча около часа. Пиво в холодильнике. Вооружившись пультом, Зимин устроился на диване. И услышал долгий настойчивый звонок.

«Только не Туська!» — уныло подумал Михаил. Неохотно поднялся и отправился открывать.

— Привет! — по-русски проговорила Мари с порога. Моргнула. Два раза. И бросилась ему на шею. Следом на весь подъезд загрохотал чемодан, свалившись на пол.

— Привет! — удивленно проговорил Михаил и подхватил свою Машу. Затащил в квартиру сначала ее, потом ее чемодан. Помог ей снять пальто. — Ты откуда? Как хорошо, что смогла приехать раньше. Проходи. А я звоню тебе сегодня целый день. Ты голодная?

— Гамбург, самолет, Пулково. В самолете поужинала, так что не суетись, — она разматывала с шеи шарфик и наблюдала, как он вешает пальто, — у тебя кофе пахнет. Вот от кофе не откажусь — глаза закрываются. Я не помню, спала ли в эти сутки. Представь себе,

Дональд завалил бумагами, потом нашелся покупатель на дом в Гамбурге, а я так и не решила ничего...

— И почему не предупредила? Я бы встретил, — он поцеловал Машу. — Кофе сейчас будет, а Дональда твоего убить мало.

Мари стащила ботинки и улыбнулась:

— Хотела сделать сюрприз, но ты как-то не слишком удивлен. Вечно ворчишь. Знал, кого берешь в жены.

— Так и ты знала, за кого замуж идешь, — Михаил рассмеялся. — Я очень удивлен твоим сюрпризом, маленькая зануда. А если бы меня дома не было? — спросил он уже из кухни.

— Но ты ведь дома, — Мари прошлепала по голому полу следом за ним. На его кухне она была впервые и с любопытством оглядывалась, — придумала бы что-нибудь. Мне, господин Зимин, уже не девятнадцать лет.

Она подошла к нему со спины и обхватила руками его плечи.

— Я скучала.

Михаил взял в свои руки ее ладони и поцеловал их. Потом повернулся к ней и сказал:

— Я тоже соскучился, госпожа Зимина. И страшно рад, что ты наконец-то здесь.

Он привлек ее к себе, нашел ее губы. Чем крепче он сжимал ее в своих объятиях, тем острее понимал, как сильно ждал ее и как рад, что она приехала.

На плите обиженно зашипел опять сбежавший кофе. Михаил рассмеялся.

Мари тихо фыркнула и сказала:

— И как ты столько лет холостяком прожил? — отстранилась и внимательно посмотрела в его глаза. — Миш, а я насовсем приехала. Все.

— Так это ж замечательно, Машка, что насовсем. Я ждал тебя, — он поцеловал ее в висок. — Берем кофе, идем в комнату.

Мари задумчиво наблюдала, как он наливает напиток, послушно пошла за ним в гостиную. А потом остановилась на пороге и посмотрела, как он устраивает чашки на столике. Взгляд ее скользнул по тому самому креслу, в котором она сидела, признаваясь ему в любви несколько месяцев назад, по стенам — с множеством фотографий, на которых он, смеясь, обнимал чужих детей. Она медленно вошла и улыбнулась, чувствуя себя так, будто ей все это снится. Настолько все это было нереально.

— Не будешь на меня орать, если я кое-что скажу?

— Ну, скажи... не буду орать, — озадаченно ответил Михаил. Подошел, взял за руку. — Чего ты? Проходи, — провел Машу к креслу и присел перед ней на корточки. — Что стряслось?

Зимин положил ей на колени руки, оперся на них подбородком и заглянул в глаза.

— Я решила не давать ход делу Ригера. Дональд меня не одобряет, говорит, что Ральфа можно по стенке размазать, но мне все равно. Я не хочу — по стенке.

— Это то, что ты хотела мне сказать? — удивился Михаил. — Я бы, пожалуй, прислушался к Дональду, но не хочешь — не надо. С какой стати мне орать? — улыбнулся он.

— Я хотела, чтобы ты это знал. Если мы сошлись в том, что это не повод для скандала, то поцелуй меня. А то я что-то совсем расхотела пить кофе.

— Нет, дорогая, если уж устраивать скандал, то причина должна быть более весомой, чем Ригер.

Михаил поднялся, за руку поднял Машу из кресла и, подхватив на руки, понес в спальню. Опустил на кровать и стал осыпать поцелуями ее лицо.

— Хорошо, — проворковала Мари, подставляя губы, — тогда как тебе такая тема для скандала... мои суточные труды дали свои результаты. Недавно я грохнулась в обморок прямо посреди кабинета.

Он целовал ее губы, которые она подставляла ему. Он прижимался губами к тонкой жилке на шее и чувствовал, как она пульсирует все быстрее. Он спускался загорающимися страстью губами ниже, туда, где бьется самое дорогое на свете сердце.

Она что-то говорила. Что-то о скандале... сутках... обмороке. Зимин резко оторвался от нее, приподнялся на одной руке и, пытаясь унять сбивающееся дыхание, посмотрел на Машу.

— И что это означает?

Он пытался сосредоточиться и понять, почему это важно. Нет, это, конечно, важно, но почему именно в этот момент?

— Не отвлекайся, — недовольно прошептала Мари, чуть изогнув спину, чтобы расстегнуть платье, — разумеется, меня немедленно отправили в больницу. Диагноз оказался занимательным.

Она резко замолчала — молния поддавалась туго.

Зимин сел. Машинально помог расстегнуть ей молнию. Снова посмотрел ей в глаза:

— Маш, какая больница? Какой диагноз? Что случилось?

Мари деловито стаскивала платье с плеч, но в лежачем положении это выходило плохо.

Она проворчала:

— И гардероб сменить придется... У меня три месяца беременности, а я в своем офисе и не заметила. Вот, что случилось, Миша.

Зимин молчал, осознавая услышанное.

— Машка, — все, что смог, наконец, выдохнуть Михаил. Сгрел ее в охапку и радостно поцеловал.

Она судорожно вцепилась пальцами в его плечи, отвечая на поцелуй, а потом, задыхаясь, прошептала:

— Ты сможешь мне его снять или нет? Учти, что еще десять минут, и я отключусь. Я не помню, когда в последний раз спала.

Михаил ловко стянул с нее платье и, улыбаясь, сказал:

— Учти, с завтрашнего дня ты перестанешь думать о всякой ерунде в виде твоего не проданного дома и озабоченного работой Дональда. А будешь заниматься собой, нашим будущим ребенком и мной. Это понятно?

Он избавился от своей лишней одежды и заглянул ей в глаза:

— Так что ты там говорила про десять минут?

— Господи, и кто из нас зануда? — засмеялась Мари, обвила руками его шею и прошептала на ухо, касаясь губами его кожи. — За десять минут можно многое успеть.

— Мы оба хороши, — довольно усмехнулся Михаил.

Он не уставал восхищаться ею, когда она была маленькой шаловливой девчонкой, и возмущаться, когда она становилась деловой хозяйкой людей и пароходов. И он любил ее такую разную, знакомую и неизвестную. И любовался ее горящими от страсти синими глазами. И подчинялся ее просьбам. И превращал десять минут в вечность. И следующие десять минут. И следующие. Утверждая такой порядок вещей законом их жизни.

Бонус 1. Шлейф

Июль 2015 года

Гамбург

Он взглянул на часы. Машка, как обычно, торчала в своем офисе. Когда она деловым тоном сообщила ему, что на этот день у нее также назначен совет акционеров, он очень разозлился. И злился потом несколько часов. В спальне. Вместе с ней.

Снова бросил взгляд на часы. Хватит! Через час Михаил был у нее в офисе. Кивнул секретарю и зашел в конференц-зал.

Мари оборвала свою речь на полуслове, оторвала взгляд от бумаг. Посмотрела сначала на бесцеремонно вошедшего Зимина, потом на часы, потом снова на Зимина. Обвела взглядом присутствующих на собрании акционеров. Что-то буркнула Дональду. И покорно поплелась через весь зал к Мише.

— Я помню. Поехали, — пробормотала она, устраивая подмышкой очередную папку — как раз можно будет перечитать в дороге.

Михаил пошел ей навстречу, вытащил папку у нее из подмышки, кивнув Дональду, положил папку на стол. А потом, перебросив Машку через плечо, скорым шагом вышел из зала. Опаздывать он был не намерен.

— Тебе так уж обязательно было выставить меня на посмешище перед акционерами? — пробурчала Мари, очутившись в машине, а потом... не отдавая себе отчета в том, что делает, порывисто потянулась к нему. Как следовало сделать сразу.

Он коротко поцеловал ее и рассмеялся.

— Тебя это волнует? Правда? Ну, прости. Единственное, что сейчас волнует меня, — вовремя попасть в Standesamt[i]. Могу принести твоим акционерам официальные извинения в своем недостойном поведении. Потом. Если захочешь.

— Полагаю, это теперь не имеет никакого значения. Я отчиталась и вынесла на обсуждение вопрос продажи активов. Формально. Контрольный пакет акций принадлежит мне.

Мари велела шоферу отъезжать и поудобнее устроилась на плече Зимина, совершенно не думая о том, что испортит идеальную укладку — волосок к волоску.

— Переодеться я, разумеется, уже не успею, — пробормотала она. Светло-серый костюм совсем не походил на свадебный наряд.

— Жаль, что не успеешь, — Зимин вздохнул. Потом медленно, сосредоточившись на процессе, стал вынимать шпильки из ее идеальной прически. Он удовлетворенно осмотрел результат своих трудов — свободно рассыпавшуюся копну темных волос. И совершенно серьезно сказал: — А, может, успеем купить тебе что-нибудь... более подходящее? По дороге.

Воспоминания нахлынули на нее сплошным потоком, который совсем невозможно было остановить. Причал. Стойка администратора. Миша. Фата. Шлейф. Лифт. Мари улыбнулась и выглянула в окно.

— Ты же знаешь, что все это никому не нужно и ничего не значит. С тем же успехом можно выйти замуж в джинсах. И ничего не изменится, — заявила Мари, но вдруг за углом показался какой-то свадебный салон, — в конце концов, я взрослая самостоятельная женщина и я... хочу платье...

— Тогда пошли за платьем. Хотя в джинсах было бы тоже неплохо, — Михаил, не сдержавшись, рассмеялся.

Времени на то, чтобы перемерить половину магазина не было. Да ей оно было и не нужно. Осмотрев критическим взглядом манекен, наряженный в платье с длинным шлейфом, Мари поморщилась и покосилась на жениха.

— Нет? — спросила она.

— Только не это! — почти рявкнул Зимин по-русски. — Что угодно, только не это, — перед глазами возникла картинка в стиле Дали — белая змея, стекающая на пол из шкафа. — Иначе я точно начну думать, что ты не хочешь замуж.

— Я очень хочу замуж, — улыбнулась Мари.

Схватив его за руку, она ринулась вглубь магазина. Платье было выбрано почти в одно мгновение. Очень простое, цвета слоновой кости, украшенное только вышивкой и тонким пояском, слегка расклешенное от талии, оно открывало руки и скрывало ноги чуть ниже колен.

Мари покружилась перед зеркалом и улыбнулась.

— Да? — спросила она, обернувшись к Мише.

Он смог лишь кивнуть. Какой идиот придумывает платья, которые вызывают желание снимать их. Стоп! Сначала Standesamt. Потом... а вот потом...

Зимин спешно рассчитался и, подхватив Машу под руку, усадил ее в автомобиль.

Через час она уже была его законной женой. Как он говорил... пять лет назад.

Итак, она нарушила главную семейную традицию, передававшуюся по женской линии рода д'Эстен. Нынешнее поколение в лице Мари подкачало. Теперь она была Марией Зиминной. Приплыли! Платье без шлейфа и фамилия теперь уже законного супруга — разве так много надо для счастья?

— А теперь правду, господин Зимин, — прошипела она, как только дверца в машину захлопнулась, и они поехали домой, — правду и ничего кроме правды! Что у вас с рукой?

В этот самый момент господин Зимин мысленно благодарил швей (или кого там надо благодарить?) за отсутствие рукавов. Это позволяло продвигаться поцелуями от ладоней к плечу, и где-то там должна быть застёжка. Но успел он поцеловать только ее запястье.

«Твою мать!» — мысленно выругался Михаил. Она два дня ничего не спрашивала. Но если уж врать, то уверенно.

— А что у меня с рукой? — он внимательно посмотрел на свой кулак. — А, это... неудачно ударил по груше. Дональд посоветовал мне отличный спортклуб.

— Кажется, я даже знаю, как он называется, — проворчала Мари и подставила свое запястье назад, под его губы.

Михаил продвинулся к локтю и снова отвлекся. «Черт! Неужели Дональд проболтался? Или этот урод Какеготам?» — мысли не вдохновляли.

— И что ты знаешь? — вкрадчиво спросил он Машу.

— Зимин, с тобой и так все ясно, — усмехнулась она, — не выкручивайся. Целуй меня, у тебя это лучше получается, чем изображать из себя святую невинность.

Он весело хмыкнул. Президентша!

— Ну, ладно! Если тебе больше понравится история о том, что мне пришлось заступиться за молодую симпатичную фройляйн, и потом она, в знак благодарности, пригласила меня на чай с шарлоткой, то получай свою правду.

Мари моргнула. Два раза. Но вместо того, чтобы что-то выдать из тех колкостей, что

вертелись у нее на языке, она коротко кивнула и... притянув его за галстук к своему лицу, жадно впиалась в его губы поцелуем — жадно настолько, что у самой зашумело в голове.

«Когда мы уже доедем?» — единственная здравая мысль Зимина слабо пробивалась среди остальных. Он прижимал Машу к себе все крепче. Но в то же время пытался прервать поцелуй. Потому что иначе...

Автомобиль неожиданно остановился. Михаил буквально выволок жену и, подхватив ее на руки, занес в дом. В первую же попавшуюся комнату. Поставил Машу на пол, не отпуская от себя. И повернул ключ в двери.

[i] Standesamt — орган гражданской регистрации браков в Германии.

Бонус 2. Паруса для Марии

Октябрь 2015 года

Санкт-Петербург

В дверь звонили. Уже минут пять, а, может, и десять. Михаил надеялся, что незваному гостю надоест, и он уйдет восвояси. Но, кажется, пришедший был чрезмерно настойчив. Зимин расстроено чмокнул спящую Машку в плечо. Кого, черт возьми, могло принести так не вовремя?

Побрел к двери и вдруг услышал звук поворачивающегося ключа.

«Гуська! Ну, твою ж мать!» — сердито подумал он и остановился посреди прихожей.

Она влетела в квартиру разъяренной фурией с идеальным утренним макияжем на красивом лице. Смерила брата взглядом и спросила прямо:

— Живой? Что? Твоя принцесса опять тебя бросила?

— Не дождешься! — буркнул Зимин. — Чего ты примчалась?

— Тогда объясни, какого черта отрубать телефон и морозиться? Я все передумала! Я еще ночью ехать к тебе хотела! Ромка не пустил. Ты совсем сдурел?

Наташка с грохотом скинула туфли.

«Началось...» — вздохнул устало Михаил.

— Не шуми, во-первых. А во-вторых, это ты сдурела. Я тебе вчера сколько раз сказал, что никуда из дома не двинуться? И уж перед кем, а перед тобой я точно отчитываться не должен. Хорошо хоть у Романа мозг на месте. Только ночью тебя здесь и не хватало, — проворчал он.

— Позволь узнать, чем таким ты занимаешься ночами, что для этого нужно отключать телефон? Пьешь? Это же не выход! Сколько можно маяться?

— Ты точно рехнулась, — Зимин заржал. — Я же тебя не спрашиваю, чем ты по ночам занимаешься. Ты в своем уме, Наташ? И с чего ты взяла, что я маюсь?

— Да потому что как только речь заходит об этой твоей... так начинается! Сколько ты тут один еще будешь? Ей же все некогда!

— Наташ, успокойся. Пожалуйста. Она не «эта». Она моя жена. Ее зовут Маша. Она здесь и сейчас спит. А ты орешь...

Наташа дернулась и зачем-то посмотрела куда-то за спину Миши, будто ожидала там увидеть ту самую «Машу». Но, никого не обнаружив, перевела взгляд на брата. Продолжила уже шепотом:

— Значит, все-таки соизволила до тебя снизойти? И ты хорош! Хоть бы предупредил. Есть у вас, конечно, нечего.

Наташка ломанулась на кухню.

— Какая же ты язва, — не сдержался Михаил, направляясь за сестрой на кухню. Прикрыл за собой дверь, чтобы, если Наталье вновь вздумается пошуметь, было не так слышно в спальне. — Сделай себе чай и успокойся. И как-нибудь постарайся запомнить, что это моя жизнь, моя жена и мой холодильник.

Наташа включила чайник и привычным жестом достала свою чашку с полки.

— Я и успокоюсь, и привыкну, — голос звучал недовольно, но сдержанно. — Я пытаюсь быть тактичной.

— А ты не пробуй. Ты будь. Тебе понравится, уверяю тебя.

— Начинается! Случилась у тебя любовь на старости лет. Прекрасно. И все-таки... Долго это все будет продолжаться? Ты в море, она в Германии. Это ненормально, Миш.

— Все у нас нормально. Я в море по графику, а Маша в Петербурге.

Закипел чайник, Михаил налил чай Наталье и стал варить себе кофе.

— Надолго ли? В прошлый раз на сколько ее хватило? На десять дней? — сердито фыркнула Натка. — И сколько потом ты себя вытаскивал?

— Доброе утро, — раздался от порога сонный голос, звучащий с сильным акцентом. — У тебя кофе пахнет!

Мари замерла в дверном проеме, укутанная в рубашку законного супруга. Явно не ожидавшая обнаружить в столь ранний час посторонних на кухне, она выглядела смущенной и приглаживала руками гнездо на голове.

Увидев Машку, Михаил расплылся в улыбке, подошел к ней и поцеловал в щеку.

— Садись, сейчас будет кофе, если не сбежит, — рассмеялся он. — Маш, знакомься, это моя сестра, Наталья, — он посмотрел на сестру. — А это моя Маша, — и поцеловал жену в спутанную макушку.

— Очень приятно, — проговорила растерянная Наташа и, спохватившись, кинулась к плите, — не сбежит.

— И мне... приятно, — проговорила Мари, наблюдая за странными манипуляциями новоиспеченной золовки. Она перевела растерянный взгляд на Мишу и пискнула: — Пойду переоденусь!

— А мне так нравится больше, — шепнул Михаил на ухо Маше.

Щеки ее порозовели, но она шмыгнула прочь с кухни. Следом в коридоре загрохотал чемодан. Звук открывавшегося замка и тихое «ой!». Потом стукнула дверь в комнату.

— Ладно. Красивая, — проговорила Наташа, не отрываясь от плиты. — Во всяком случае, хотя бы понятно, почему ты дурил столько лет.

Зимин ничего не ответил. Как ей объяснить, что любовь — это не дурость, если она сама этого не понимает. Он сел за стол, подпер голову рукой.

Наташа сняла джезvu с плиты и повернулась к Михаилу. На лице ее была улыбка.

— Она, и правда, красивая, Миш. Но ведь полный детский сад. Еще обидишь.

Лицо Михаила вытянулось.

— Ты уж из меня чудовище-то не делай. Это ты у меня смотри, не вздумай ее обижать. А то с твоими нравоучениями...

Наташа сомкнула губы и провела вдоль них пальцами так, будто закрывает молнию. Потом разлила кофе по чашкам и заглянула в холодильник.

— И незачем было морочить голову моим подружкам, — не выдержала Наташа.

— Каким подружкам? — Мари вошла на кухню, одетая в джинсы и светлую рубашку.

Смешно. Это была ее любимая рубашка. Очень старая и очень любимая — ее принес ей Зимин в тот день, когда она в свадебном платье явилась на «Анастасию».

— Никаким, — улыбнулся Михаил Маше. — Никто никому ничего не морочил, да, Наташа? — посмотрел он на сестру. — Давай нам кофе, раз ты сегодня у нас такая заботливая.

— Разумеется, — мягко улыбнулась Наташа сразу обоим. И поставила чашки на стол. — Ладно, вы без меня разберетесь. Ждем вас завтра вечером к себе. Отказы не принимаются. Будем знакомиться по-человечески.

Мари села за стол и ответила:

— Будем знакомиться, — повернулась к Мише и добавила по-немецки: — Она всегда такая?

— Она хорошая. Ты сама убедишься, когда познакомишься с ней поближе, — ответил он также по-немецки. И глянул на сестру: — Спасибо за кофе. Только давай не завтра. Мы сегодня уедем на пару дней. А как вернемся — сразу к вам. Обещаю, — он подмигнул Машке.

— Знаю я, куда вы уезжаете, — проворчала Наталья, — не пропадите уж совсем.

Она взяла сумку и направилась в прихожую, но на пороге обернулась и снова посмотрела на Мари. Потом перевела взгляд на брата. И улыбнулась.

— Надеюсь, следующие пять лет будут спокойнее предыдущих! — заявила она и мигнула обоим.

— Так мы ж не пенсионеры, чтоб о покое мечтать, — рассмеялся он.

— Поняла я, поняла! Вам ключи-то отдать, молодожены?

— Маш, нам ключи-то отдать? — усмехнулся Зимин.

— Если это единственный свободный комплект, — отозвалась Мари.

Наташка хмыкнула и вынула ключи из сумочки.

— В конце концов, — пробубнила она, — мне так спокойнее. Провожайте, чего уж.

— Иди уже... Всем твоим привет! — сказал Михаил вслед Наташе. — Сегодня она точно больше не объявится, а вот завтра... Может, правда, уехать?

Когда за Наташей захлопнулась дверь, Мари выдохнула:

— Ну, ключи она оставила. Мы не откроем. Нас нет. И еще я ей не понравилась. У тебя по этому поводу есть что-нибудь сладкое?

— Не придумывай. А вообще, какая разница. Ты нравишься мне. Разве этого мало? — он поцеловал ее в губы, что сделал бы уже давно, если бы не сестра. — Сладкое сейчас организуем.

Михаил взял телефон и заказал доставку пирожных.

— Тебе понравится, — улыбнулся он Маше.

— Мне ты нравишься, — в тон ему ответила Мари, взяла свою чашку, вдохнула аромат и отпила глоток. — Надо признать, кофе у твоей сестры получается лучше, чем у тебя. После нее хотя бы плитку мыть не надо.

Мари посмотрела на недопитый чай, оставшийся после Наташи.

— Когда-нибудь ты мне расскажешь о том, как жил здесь один? Не сейчас. Потом.

— Маленькая зануда, — рассмеялся он в ответ, притянул Марию к себе и прошептал, касаясь губами ее кожи: — Нечего рассказывать. Плохо жил, потому что без тебя. Мне без тебя всегда плохо.

— Даже с подружками? — хитро сощурившись, спросила Мари и рассмеялась.

— Особенно с подружками, — серьезно ответил Зимин.

— Это тебе повезло, что у меня нет перепадов настроения. Помноженные на токсикоз, они превратили бы твою жизнь в ад. И тогда я бы послушала, хорошо тебе со мной или плохо. Кстати, Дональд давно не звонил. Мы так и не выяснили детали продажи «Марии». А еще надо выбрать офис здесь, в Петербурге. Можно, конечно, остаться в прежнем помещении DartGlobal... Надо обдумать...

Мари демонстративно закусила губу.

— Какой офис? Какой Дональд? Посажу под домашний арест! А Наташку позову в надзирательницы, — он улыбнулся и прищурился. — А еще вызову фройляйн Зутер.

— Какой грозный, — усмехнулась Мари. — И чем ты предлагаешь заниматься целый день?

— Начнем с прогулки, а потом...

Снова раздался звонок в дверь. Михаил вышел из кухни и вернулся через пару минут с коробкой пирожных. Протянул их Маше.

— «Алые паруса» для Марии.

Глаза ее вспыхнули, совсем, как пять лет назад, когда он впервые принес ей в каюту коробку буше.

Это были не буше, конечно. Маленькие белоснежные кремовые кораблики, увенчанные парусами.

— Для абсолютного счастья мне не хватает только одного, — пробормотала она, — отменить прогулку и весь день не вылезать из постели.

И она с чувством совершенного удовлетворения сняла с пирожного алый «парус» из вишенки и отправила его в рот.

Больше книг на сайте — Knigolub.net